Полосатая жизнь Эми Байлер

Автор:
Келли Хармс

Полосатая жизнь Эми Байлер

Келли Хармс

Жизнь прекрасна! (АСТ)

Эми Байлер – библиотекарь и мать-одиночка. В один прекрасный день ее бывший муж вернулся в родной город, и с этого момента скучная жизнь женщины изменилась навсегда. Оставив двоих детей с их отцом, Эми отправляется в Нью-Йорк на конференцию библиотекарей. Но вместо посещения скучных лекций она уходит в отрыв вместе со своими подругами, почувствовав себя наконец-то свободной. Эми Байлер не просто меняется сама, она мотивирует других «забить» на проблемы и посвятить время себе, назвав такой отпуск #мамспрингой. На пути чудесной транформации ее ждут новые знакомства и, кто знает, может быть, даже любовь?..

Келли Хармс

Полосатая жизнь Эми Байлер

Всем матерям-одиночкам посвящается

© Kelly Harms, 2019

© Хатуева С., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Дорогая мама,

я заранее знаю, что ты раздуешь это все до невозможности, потому что ты – мама, и не просто мама, а сумасшедшая мама, и иначе ты не можешь. Не удивлюсь, если ты превратишь мое письмо в фейсбучный[1 - Фейсбук – социальная сеть.] мем, а потом булавкой прицепишь его к подушке. А все потому, что ты ненормальная. Но не суть.

В общем, ты была права. Это я сейчас не про чтение. Мам, я читаю только потому, что я тебя люблю и хочу поступить в университет. Книжки, которые ты мне дала, не такие скучные, как школьные, но они все равно скучные! Кстати, ты в курсе, что по половине этих книг сняли фильмы? А все потому, что фильмы лучше, и люди, читая книги, всегда думают: «Боже, было бы настолько лучше, если бы это была не книга, а фильм».

Ну ладно. В общем, ты была права насчет папы. Я бы даже не хотела, чтобы ты оказалась настолько права. Я бы хотела, чтобы ты была счастлива – это да. Но пусть бы относительно него ты ошибалась. Вот бы все было или черным, или белым! Потому что так гораздо легче во всем разобраться. Было очень просто думать, что с нашей семьей все так случилось из-за того, что папа – ужасный человек. Но только теперь-то я знаю, что он не ужасный человек. Он просто очень, очень непростой. Даже сейчас, спустя эти три месяца, если бы ты спросила меня, как наша семья дошла до этой точки, я бы не знала, с чего начать. Я бы, наверное, ответила: «Ммм, это ты мне скажи».

А насчет больницы… мам, я ведь прекрасно понимаю, как я здесь оказалась. Я совершила глупость, и не одну, и осознаю их все. Это из-за своих неправильных решений я сейчас лежу в этой палате, где пищит оборудование, а из меня торчат трубки. Если бы я могла повернуть время вспять, я бы все сделала иначе.

Получается, я сожалею о прошлом, да? Ты от этого чувства хотела избавить меня и Джо, когда папа вернулся весной, и ты просила нас дать ему шанс? Сожаление… Я в нем тону сейчас, и, может, мне больше не представится возможность все исправить. Поэтому, знаешь… Я теперь поняла, что чувствует папа. И я никому не пожелаю так себя чувствовать.

Что бы ты ни решила на его счет, мама, это твое решение. Я не буду реагировать на него, как избалованный ребенок. У меня свои желания. У Джо – свои. И хотя бы раз за всю свою занудную жизнь прими решение, которое сделает тебя счастливой. Это то, чего мы больше всего хотим. А если это оно и есть, что ж… тогда вперед.

С любовью,

твоя любимая дочь (Кори)

Глава 1

Тремя месяцами ранее

Есть множество людей, которых ну никак не встретить в провинциальном городке в штате Пенсильвания. При этом ничуть не меньше тех, кого встретить очень даже можно. Свою лучшую подругу Лину я встречаю почти ежедневно – она преподает в той же школе, что и я, поэтому, даже если мы не договариваемся о встрече специально, мы все равно друг друга видим – в коридорах, в учительской и на парковке, где счищаем снег со своих машин чуть ли не до апреля.

А еще я постоянно встречаю Тринити, лучшую подругу моей дочери. Если день прошел, а я ее не видела, это что-то из ряда вон. Мы видимся в школе, у нас дома, у бассейна, где занимается моя дочь, а Тринити ждет ее в машине, а потом они едут в центр пялиться на мальчиков.

А еще стоматолога, к которой я хожу на гигиену зубов. Каждое воскресенье я вижу ее на фермерском рынке, где она продает мыло и свечи ручной работы с женщинами из церкви. И если я пройду мимо их палатки и не поздороваюсь, она пишет мне короткое письмо и отправляет его почтой. А поскольку она скупа до ужаса, я точно знаю, насколько это ей нелегко. Пишет она там обычно вот что: «Дорогая Эми, я переживаю за тебя. Пожалуйста, дай знать, что с тобой и детьми все нормально. В любви о Господе, Мириам».

А есть люди, кого совершенно не ожидаешь встретить на улицах нашего городка. Например, Джейми из сериала «Чужестранка»[2 - Драматический фантастический телесериал, основан на одноименной серии романов Дианы Гэблдон.]. Я очень сильно стараюсь его увидеть, но что толку! Мы не пересеклись ни разу – ни на рынке, ни в школе, ни на олимпиаде «Одиссея разума»[3 - Творческая детская телепередача, в которой дети разных возрастов (от детского сада до колледжа) соревнуются в решении креативных задач.], в которой участвовал мой сын. Или Опру[4 - Американская телеведущая, актриса, продюсер, общественный деятель, ведущая ток-шоу «Шоу Опры Уинфри».] – как же я мечтаю случайно столкнуться с Опрой! Мне кажется, с ней было бы интересно поговорить про книги.

Или моего мужа. Но вот и он, собственной персоной! Муж, с которым я прожила восемнадцать лет и которого в последний раз видела три года назад, когда нашей дочери было двенадцать, а сыну – восемь. Он тогда упаковал небольшой чемодан на колесиках, который обычно пропускают в ручную кладь, – с рубашками, которые я выгладила, галстуками, которые я подобрала, сменным костюмом, беговой одеждой, набором для бритья и шестью видами успокоительных средств, – и улетел в командировку в Гонконг, откуда больше не вернулся.

Или все-таки вернулся? Это точно он – стоит около витрины нашей аптеки с лейкопластырями и смотрит на меня, силится улыбнуться. И в этот момент, которого я страшилась все эти годы, я с болью в сердце понимаю, зачем он здесь. Это был лишь вопрос времени. Он хочет вернуть свою жизнь.

Как поступила бы на моем месте любая самодостаточная, успешная взрослая женщина, я прячусь за ватными палочками. Бесполезно. Джон в трех метрах от меня и явно меня видел. Более того, он только что виновато улыбнулся, а эту улыбку я узнаю при любых обстоятельствах. Ее обычно сопровождает пожимание плечами и взгляд, говорящий примерно такое: «Прости, я забыл зайти за молоком по дороге. Но я же уже дома и жутко устал, на работе был тяжелый день, и уже слишком поздно отсылать меня обратно, так что пусть дети утром просто погрызут кукурузные хлопья, ладно?» Мои ученики примерно так же улыбаются на уроках, когда надеются получить пятерку за старание.

Проблема только одна: Джон не только молоко забыл купить по дороге домой – он вообще забыл дорогу домой. Точка. Он в последние три года забывал приходить домой, воспитывать детей, платить по счетам, хранить верность

жене, и как ни крути – должно же быть для подобной ситуации какое-то другое выражение лица! На мой взгляд, он должен выглядеть, как мужчина, которого бывшая жена вот-вот ударит по голове тупым тяжелым предметом. Сидя на корточках в торце стеллажа с товарами для оказания первой помощи, я оглядываюсь в поиске тяжелого предмета, но вокруг только ярко-розовые обручи хула-хуп. Сложновато будет избить мужчину до беспамятства пластиковым блестящим обручем, но какое-то – весьма приятное – время я серьезно об этом размышляю.

– Эми? – Я слышу голос Джона. – Это ты?

Он прекрасно знает, что это я. И я знаю, что это он. Я его узнаю везде. Почти год после его ухода я садилась за руль, и мне казалось, что это он едет в соседней машине, и у меня замирало сердце, но потом я присматривалась, и сердце разбивалось снова и снова. И я чувствовала безмерную усталость после каждой такой ложной тревоги. Один раз, всего через несколько недель после его ухода, я поворачивала на нашу улицу и увидела его на заднем сиденье машины с логотипом сервиса поездок с попутчиком. Я была железобетонно уверена, что это он, я это знала точно. Я чувствовала, как в венах пульсирует кровь, и ощущала себя беспомощно лежащей на дне каньона без воды и еды, и вот ко мне приближается спасатель с веревочной лестницей. Я прижалась к обочине и стала ждать, когда машина подъедет к нашему дому. Этого не произошло. Она, не сбавляя скорости, проехала мимо, пока я, не отрывая глаз, наблюдала за ее передвижением в зеркало заднего вида. Я была настолько раздавлена, что двадцать минут сидела, не в силах двинуться с места.

Но сейчас все иначе. Это не учебная тревога. Он на самом деле вернулся, только я предпочту умереть от жажды, лишь бы не хвататься за канат, который он подаст.

– Джон… – Я откликаюсь, зачем-то притворяясь, что только что его заметила, и выхожу из-за стеллажа. На расстоянии протянутой руки лежат упаковки со льдом, марли и тюбики «Неоспорина». Все это будет очень к месту, когда я сокрушу его модными детскими игрушками и гигантскими бутылями витамина D.

– Глазам своим не верю, – говорит он, а я в изумлении таращусь на него. Он глазам своим не верит, что я здесь, в городе, где мы прожили вместе почти два десятка лет? Где наши дети произнесли первые слова и сделали первые шаги, а сейчас ждут меня дома? Я заглядываю к себе в корзинку и пытаюсь вспомнить,

зачем я вообще сюда пришла – за попкорном, тампонами и «Клерасилом»? – Я имею в виду, что думал, что мне придется прийти в дом, чтобы поговорить с тобой, и я не знал, как ты к этому отнесешься. Думал как-нибудь улучить момент наедине с тобой, до встречи с детьми, но так, как сейчас, даже лучше, да? Так я не нарушаю твое личное пространство?

Я по-прежнему смотрю на него и хочу закричать, заплакать. Я хочу сейчас быть женщиной, способной вцепиться когтями в лицо другому человеку. Но я не такой человек и мы в аптеке. Поэтому я просто смотрю на него.

– Эми? Эми, ты в порядке?

– Уходи, – сглотнув, произношу я. – Я не знаю, зачем ты сюда пришел, но ты нам не нужен. Уходи. Сейчас.

Я ставлю на пол вдруг потяжелевшую корзинку и машу рукой куда-то от себя, словно он птичка, которая слишком близко подлетела ко мне в парке.

– Прости, – говорит он. – Прости, но я никуда не пойду.

Вдруг меня осеняет: здесь же продают трости для ходьбы. Тростью можно нанести реальный удар, особенно если взять ту, что с треногой внизу для дополнительной опоры.

– Эми? – снова обращается ко мне он. Я что, улыбаюсь? Или даже смеюсь? Видимо, пришел тот день, когда я окончательно схожу с ума. Мне хочется смеяться, только я совершенно не понимаю, почему. – Тебе нужно присесть?

А потом он пытается проделать нечто совершенно неприемлемое, выходящее за все рамки. И я почти что решаю наплевать на свидетелей, на последующие сплетни и просто заорать во все горло, лишь бы остановить его. Он пытается взять меня за руку! Я резко отмахиваюсь.

– О нет, – протестую я, и в этот момент ко мне возвращается присутствие духа, и наконец – как долго я ждала этой секунды – я снова обретаю контакт с реальностью и начинаю дышать. – Я без понятия, как ты здесь оказался, Джон, но последний раз я тебя видела три года назад, а с тех пор ты не жил со мной и

детьми, не спал в моей постели, не сидел с нами за столом и не делил с нами жизнь. Три года, день за днем, – это больше тысячи дней. И ты не можешь просто так вернуться, и зайти в мою аптеку, и купить здесь лейкопластыри, которые я покупаю, и держать меня за руку, как будто я инвалид. После всех этих дней и ночей, ипотечных выплат, оплат счетов, походов к треклятому стоматологу… Ты не можешь. Не можешь.

Лицо Джона приобретает виноватый вид. Робкая улыбка сменяется выражением боли, столь же глубокой и всеобъемлющей, как моя собственная. Я начинаю понимать, что он тоже побывал на дне того каньона и он считает, что спасатель с веревкой – это я.

Он качает головой и начинает говорить, а говорит он вещи, которые я мечтала от него услышать годы назад, когда он ушел и когда мой мир развалился на части. Но сейчас они все звучат как резкий и болезненный звон в ушах.

– Ты права. Я совершил ужасный поступок, и мне очень, очень жаль. Но я сюда пришел не для того, чтобы снова тебя ранить. Я хочу все исправить.

– Я не думаю, что у тебя получится, – без обиняков отвечаю я.

– Это не твоя проблема, а моя, – возражает он, и его слова настолько обезоруживающие, что я теряю дар речи. – И я здесь именно за тем, чтобы ее решить. Я хочу стать мужчиной, которым не был тогда, стать настоящим отцом нашим детям. Отцом, которого они заслуживают. Я хочу все исправить. – И он поднимает с пола мою корзинку.

Чего-чего он хочет?

Моя дочь Корин, сын Джозеф и лучшая подруга Лина сидят у меня – у нас – дома. Наш дом – красивый, правильной квадратной архитектуры – расположен в непосредственной близи от школы, в которой я работаю. Как и большинство красивых вещей, дом требует к себе много внимания. Он делает так, чтобы у меня никогда не оставалось лишних денег. Если вдруг дом замечает, что я припрятала где-то сто долларов или пытаюсь вывезти детей в национальный парк на недельку, дом что-то в себе ломает. Мне кажется, у нашего дома комплекс брошенности.

Когда здесь жил Джон, это не было ощутимой проблемой. Он был мастер на все руки и любил слоняться по дому и чинить все, что нуждалось в починке. Он был готов целыми днями смотреть видео на YouTube на тему домашнего ремонта. И даже когда он сдавался и нанимал соответствующую контору, его солидная зарплата юриста в крупной пищевой производственной компании покрывала счет.

И вообще, наш дом – это отдельная тема. Когда мы въехали, ему уже было сто лет, и с тех пор он не молодеет. Но все проблемы оказывались решаемы, просто по очереди. Сначала мы довели до ума электропроводку, потом сняли гниль со стен, сделали новую гидроизоляцию подвала, заменили деревянный сайдинг на более подходящий с эстетической точки зрения. Все делалось постепенно, без спешки. Джон вырос в поселении амишей[5 - Консервативное религиозное движение; амиши отличаются простотой жизни и нежеланием принимать современные технологии.], вне доступа к современным строительным супермаркетам, и мог своими собственными руками починить буквально все.

Кроме, как я поняла, самого себя. Поломку в своей собственной жизни он решил устранить в два хода: первый – держать свои чувства под замком, чтобы никто из нас не догадался, что что-то не так, и второй – сбежать от жены и семьи.

– Он хочет… – Я пытаюсь подыскать подходящее слово. Ни за что на свете я не допущу, чтобы теперь дети решили, что их отец – козел. Только не после того, как я три долгих одиноких года защищала его репутацию и их воспоминания. – Он хочет проводить время с вами. Любит вас безмерно и всегда любил. Его не было рядом последнее время, о чем он очень сожалеет.

Кори издает какой-то хрюкающий звук, свойственный исключительно подросткам, который еще с пещерных времен означает: «Что за бред, ты ничего не понимаешь в этой жизни/ Я сейчас разложу ситуацию по полочкам/ Прочь с дороги, старушка». Такой же звук она издаст, если пощекотать ее, когда она чихает. А если я сейчас попробую так фыркнуть, то рискую пострадать от недержания – это все из-за двух долгих и тяжелых родов.

– Давайте его выслушаем. Соберемся на семейный совет и выслушаем, – предлагаю я. А потом я притворяюсь, что у меня не сводит желудок от одной мысли о его идее, и говорю им то, что он сказал мне у полки с лейкопластырями, когда я достаточно успокоилась и уже могла концентрироваться на его словах: – Скоро летние каникулы, и он хочет провести первую неделю с вами.

– Что? – переспрашивает Кори. – Нет. Точно нет. Я пас.

У меня была точно такая же реакция, когда он это предложил: точно нет.

– Мне кажется, я понимаю, что ты чувствуешь, – говорю я и тут же осознаю свою ошибку.

– Ты понятия не имеешь, что я чувствую. Твой отец не оставлял тебя за несколько дней до двенадцатого дня рождения.

– Это правда, – боже, сколько же терпения нужно для общения с этой девушкой, – но меня оставил муж с двумя прекрасными детьми и чудесным, дорогим домом, когда у меня не было ни работы, ни денег. И через эту ситуацию я могу соприкоснуться с твоими чувствами.

Она закатывает глаза:

– Но тебя-то он вернуть не хочет.

Вот он – особый дар всех подростков. Она не хотела меня ранить, но ее слова попали мне прямо в сердце. Думала ли я, что он вернулся ради меня? В ту первую секунду, когда он позвал меня по имени, когда попытался обнять при прощании, когда посмотрел на меня и в его взгляде я увидела что-то похожее на желание – как было не подумать? Я стискиваю зубы.

– Думаю, лучше не драматизировать ситуацию. Никто не собирается вас похищать. Мы примем решение совместно, вчетвером.

– Я уже решила. Нет.

Что ж, яблоко от яблони… Ровно эти же слова я сказала Джону в ответ на его просьбу провести неделю с детьми. Неделю, чтобы компенсировать трехлетнее отсутствие. Нет! Этого недостаточно.

– Давайте соберемся на семейный совет, а потом решим, – предлагаю я с притворным равнодушием. – Я хочу посмотреть, чему вы можете научиться,

получив опыт встречи с человеком, который доставил вам неприятности.

– Соображение номер один, – включается мой прилежный до учебы сын. – Он не может прийти на семейный совет. Семейный совет – только для членов семьи.

Кори выразительно кивает и складывает руки на груди.

– Для членов семьи! – повторяет она.

Очень смешно. Когда дети были маленькими и мне до отупения надоедали их нескончаемые препирания, я иногда произносила угрожающим тоном: «Не забывайте, через два часа придет папа», – и они тут же начинали ходить по струнке, превращаясь в лучших друзей. И даже сейчас одна лишь перспектива прихода Джона заставляет их выступить единым фронтом.

– Соображение номер два, – продолжает Джо. – Мне нечему учиться у папы. Или ты хочешь, чтобы я научился, как заработать себе нервный срыв, уехать в Гонконг и потом поднимать свою самооценку с помощью молодых глупых женщин, пожертвовав собственной семьей?

Я снова стискиваю зубы. Не знаю, радоваться мне или огорчаться, что психотерапевт Джо настолько хорош, что он может озвучить все эти вещи в нежном двенадцатилетнем возрасте.

– Можно мне сказать? – подключается Лина. Мы все киваем. Лина каким-то странным образом тоже член нашей семьи. Или стала им в последние три года. Пережила бы я уход Джона без поддержки лучшей подруги? Не представляю себе этого. Она помогала с детьми, выбила мне работу, готовила еду, держала меня за руку, когда я плакала. – Я думаю, что если мы выносим судебный запрет, пользуясь юридическим лексиконом вашего отца, нам нужно подумать, как мы в суде докажем целесообразность прекращения всех связей с ним навсегда. По итогам моего внимательнейшего просмотра сериала «Хорошая жена»[6 - Американский телесериал в жанре юридической драмы.] скажу одно: нам придется доказать, что своим уходом от вас он нанес ощутимый и непоправимый ущерб. – Кори, сумасшедшая фанатка всех судебных шоу, внимательно слушает. Джо, ценитель логики, но лишенный какого бы то ни было интереса к телевидению в общем, а к шоу в частности, терпеливо ждет продолжения. – Нанес ли он вам реальный, ощутимый ущерб, ребята? – спрашивает Лина и сразу

же отвечает: – Спорный вопрос, я бы так не сказала. Потому что мама у вас – замечательная. Она чуть ли не за тридцать секунд превратилась из домохозяйки с детьми в сотрудника школьной библиотеки, чтобы вы могли продолжать учиться в вашей модной частной школе. Вы ни дня занятий не пропустили! Она в мгновение ока оформила рефинансирование на дом, чтобы покупать ваши любимые вафли Ego, конструкторы Lego и форму Speedo – и это при том, что алименты ваш папа не платил. С точки зрения качества жизни вы совершенно ничего не потеряли после ухода отца.

Я смотрю на нее. Замысел у нее добрый, но из этой речи очевидно – я пострадала так, что мало не покажется. Я идеальное лицо для иллюстрации вялотекущего хронического страдания. Если бы рекламное агентство захотело сделать 30-секундный ролик о страдании, они могли бы использовать нарезку моего дня. Вот я в трехцветных учительских штанах на резинке в пять утра расчищаю двадцать сантиметров снега, чтобы дети вовремя попали на утренние занятия. Потом на занятиях я объясняю 250 мажорным детям, что нельзя по десять часов смотреть порно на компьютере, а вечером отключаюсь под «Чужестранку», не имея никаких сил на поиск, не говоря уже об использовании, вибратора. Мрачный бы получился ролик. Но Лина, оказывается, на этом не успокаивается:

– Теперь взглянем на нематериальный ущерб. Мы можем доказать эмоциональную боль и страдание, так? Когда он ушел, вам очевидно было больно. Но действительно ли это непоправимый ущерб? Вот на этот вопрос он и хочет сейчас получить ответ. Он хочет знать, может ли он компенсировать потерянное время.

– Какая разница, чего он хочет знать, – перебивает Кори. – Главное, чего хотим мы.

– Хорошо, чего вы хотите? Может ли оказаться, что прощение и приятно проведенное совместное время улучшит ваше эмоциональное состояние по сравнению с перспективой до конца жизни носить в себе обиду? Другими словами: вы уверены, что предел ваших мечтаний – наказать его?

– Лина! – застонала Корин. – Тебя послушать, так ненависть к нему до конца жизни оказывается совсем не вариант!

Кого угодно ненавидеть до конца жизни – не вариант, – говорю я себе. – Лина, как обычно, права.

Она пожимает плечами и довольно хмыкает.

– Что тут скажешь…

– Я совершенно не восхищаюсь вашим отцом, – говорю я детям. – Более того, если говорить совершенно честно, он сделал мне очень больно, когда ушел.

А если уж быть еще более честной, сегодня, когда я увидела его после всех этих лет, мое сердце снова чуть не остановилось.

– Понятное дело, – кивает Кори.

– И как бы мне ни хотелось его наказать, повинуясь первому импульсу, я должна помнить о том, чего мне больше всего хочется в этой жизни. А больше всего мне хочется, чтобы вы были счастливы. Хотя, – задумываюсь я, – это неправда. Больше всего на свете я хочу, чтобы вы закончили университет и не сели в тюрьму. Следом за этим идет ваше счастье. Я думаю, что время с отцом и попытка простить его прошлые ошибки может привести к умножению вашего счастья, а не к уменьшению.

Верю ли я в то, что говорю? Так ли уж сильно я верю в счастье? Настолько ли, чтобы однажды простить Джона? Переступить через то, что он сделал, принять его в свою жизнь, как будто ничего не произошло? Скорее всего, нет. Но разве я не хочу, чтобы мои дети верили в возможность счастья?

– И потом, вы же знаете, что папа оставил нас не без причины, хотя в то время нам так казалось. Он ушел от нас, потому что искренне верил, что без него нам будет лучше. Он ушел, потому что его настолько захватила тоска и он был так расстроен, что решил: он плохо на вас влияет и его уход это исправит. А однажды он надеялся вернуться и все исправить, – говоря это, я пытаюсь не морщиться. Сколько бы он ни уверял меня, что в случившемся нет ничего личного, как это возможно, что человек, которого ты любишь, должен уехать от тебя подальше в надежде снова обрести счастье? – И вы знаете, что он никогда вас не забывал. Помните его открытки? – напоминаю я им про привычку Джона посылать на дни рождения детей, на праздники, а в один год – и на День труда –

открытки и чеки с огромными суммами. – Это показывает, что хоть его поступок и не назвать правильным, но он пытался что-то делать для нас.

Джо надел маску мыслителя. Лина, Кори и я смотрим на него. То, что он сейчас скажет, скорее всего, будет принято всеми. Такой вот он ребенок, Джо. Разумный. По самые уши. Я немного жертва, Кори немного паникер, а Джон всегда был немного эгоистом. Джо взял лучшие стороны от всех нас – щедрость, развитую интуицию, целеустремленность – и помимо этих качеств он еще очень, очень умен. Я его не понимаю, но люблю за это еще больше.

– Тетя Лина, – изрекает он, и я понимаю, что за этим последует философский вопрос, потому что перед тем, как стать учителем, Лина была монахиней, – как вы думаете, прощение – это навык, который можно обрести с практикой, как умение хорошо играть в шахматы, или талант, который дается при рождении, как способность чисто петь?

– Некоторые люди должны учиться прощать, и это никогда не станет их свойством. Они либо будут работать над этим и достигнут больших высот, но им всегда придется делать это сознательно, либо они не будут работать над этим, и тогда умрут, неся на спине мешок обид размером со слона. Я это знаю, потому что как раз, забываясь, рискую оказаться в числе этих людей. Некоторые люди, как, например, твоя мать, – кивает она на меня, – прощают настолько естественно, что даже не замечают, что это произошло. И их будут ранить в два раза чаще, потому что они так быстро прощают, но и замечать они будут ровно половину от этих ран благодаря своей способности отпускать.

Я кривлю рот. Не уверена, что согласна, но я благодарна Лине за то, что с ее слов я гораздо хладнокровнее, чем думают обо мне дети. Кори вздыхает:

– Меня все еще очень бесит, что Тринити купила помаду такого же цвета, что и у меня. Я хотела, чтобы это был мой фирменный цвет. – Я впиваюсь зубами в язык, чтобы не сказать что-нибудь плохое о Тринити, которая точно не моя любимица. – А то, что сделал папа, гораздо, гораздо хуже, чем это. Я хочу злиться на него еще хотя бы года два. Можно?

– Конечно, можно, – соглашаюсь я. – Думаю, ты многое упустишь, но ладно. А ты что скажешь, Джо?

– Я поступлю так, как решит Кори, – в своей взвешенной, продуманной манере отвечает он. – Если она не захочет проводить с ним ни одной недели, значит, мы не будем проводить с ним время. Ни одной недели.

Лина улыбается и откидывается на спинку стула. Она прекрасно понимает, что только что произошло, причем гораздо раньше меня. Кори театрально вздыхает:

– Ну отлично. Сволочь! – это она про Джо. – Неделя. Я согласна на одну неделю.

Джо улыбается краем губ, думая, что мы этого не замечаем. Лина и я обмениваемся понимающим взглядом, который, мы думаем, они не замечают.

– Неделя в начале лета, – решаю я. – Всего неделя. Похоже, для всех она будет прекрасной. А если нет – я буду недалеко, – обещаю я. – Приеду и соберу вас по кусочкам.

В этот момент я еще не знаю, что это не их, а меня совсем скоро надо будет собирать по кусочкам.

Глава 2

Дорогая мама,

я понимаю, что ты не увидишь этот так называемый дневник читателя до конца лета, но я все равно хочу направить тебе ряд официальных претензий:

1. Каникулы еще даже не начались. С какой стати я должна сейчас читать книги, заданные на лето?

2. Почему я вообще должна летом читать книги, если весь смысл каникул состоит в том, чтобы не читать?

3. Других детей, родители которых не работают в библиотеке, тоже заставляют делать то, что делают родители? Ну правда. Задай себе этот вопрос. Разве детей стоматологов обязывают летом устанавливать особый режим чистки зубов нитью три раза в день и так до осени? А детей военных – их что, обязывают ежедневно посещать тир?

Имей в виду: я готова не моргнув глазом поменяться с ними местами – чистить зубы и ходить в тир.

4. Комментарий по поводу выбранных тобой книг: в книге «Загадочное ночное убийство собаки» говорится о мальчике-аутисте из Англии, у которого есть крыса. И вот что лично мне отзывается в этой книге: НИЧЕГО, МАМА!

Я заглядываю в список книг и вижу, что мне предстоит читать о людях, которые жили сто лет назад или воевали с нацистами, или они живут в будущем или в воображаемом царстве из диснеевского фильма.

Мама, ты когда-нибудь слышала про Джона Грина или Стефани Майер? Неужели немного экшена в стиле «Голодных игр»[7 - Подростковая антиутопия американской писательницы Сьюзен Коллинз.] меня убьет? Или это мне просто в наказание за то, что я родилась в семье книгопочитателей и эйнштейнов?

Мне только кажется или это несправедливо? Это несправедливо, мама! Я надеюсь, что, когда ты умрешь, тебя заставят провести целое лето в бассейне с Тринити.

С любовью,

твоя наитупейшая дочь Кори.

Неделя в начале лета! По-настоящему до меня дошло только на следующий день в школе. Целая неделя – без детей, без работы, без ничего!

В библиотеке случайно подслушиваю, как школьница рассказывает подруге, что летом поедет в хоровой лагерь. Заглядываю в календарь и понимаю: лето – это не что-то абстрактно-далекое, вроде коммерческого полета в космос или восковой эпиляции бикини. Это реальность, которая наступит через три недели.

Через три недели мой муж – то есть мой бывший муж – заберет детей, и с ними не будет меня – эксперта, который знает, почему Джо не ест чаудер[8 - Американский суп с добавлением моллюском, крекеров и сливок.] из морских моллюсков и как сделать так, чтобы от хлорки у Кори не позеленели волосы. Когда Джон ушел от нас, дети были еще маленькие, а теперь от них только и жди опасностей. Под силу ли ему будет пасти подростков? Сможет ли он сказать им «нет» или будет прогибаться под каждое желание? В последний раз он видел их, когда они были где-то на тридцать сантиметров ниже и гораздо послушнее. А вдруг он снова сделает им больно? Подпустят ли они его к себе? Будут ли чувствовать себя в безопасности?

И вот, уже в третий раз на этой неделе между уроками я пробираюсь в учительскую и звоню Джону.

– Привет, Эми, – без каких-либо эмоций говорит он. В его голосе нет ни раздражения, ни удивления.

– Что ты будешь делать, если Джо укусит пчела? – строго вопрошаю я, опустив приветствие.

– Это вопрос на засыпку. У Джо нет аллергии на пчел, – отвечает он после короткой паузы.

Я хмурюсь. Хорошо это или плохо, но мне было бы приятнее, если бы он ответил неправильно.

– Но ему все равно при этом будет больно, – говорю я, не скрывая раздражения.

– Хорошо. Я приложу к месту укуса соду, а затем лед.

– Да… – Кивнув, говорю я и мучительно соображаю, что же поставит его в тупик. Спросить номер страховки Кори? Но я и сама вряд ли его вспомню. Там куча семерок.

– Все будет в порядке, Эми. Я готов к любым фокусам, которые они могут выкинуть.

– Они очень злы на тебя, – сообщаю я и понимаю, что это я на него зла. – И могут устроить тебе ад.

– Да. Я и сам какое-то время прятался за этой мыслью. Но это я построил стену между нами и только я могу ее разрушить.

– Возможно, ее уже не разрушить.

– Моя задача – попробовать. И кто знает… Может, в итоге всем будет хорошо.

Звенит звонок. Мой желудок издает громкое урчание. Я торопливо прощаюсь и бегу на следующий урок. Там меня пробивает пот, что само по себе настоящее чудо – школьная система кондиционирования, мне кажется, была разработана с единственной целью – заморозить подростков намертво, чтобы не допустить выделения у них даже минимальной дозы феромонов. Поздоровавшись с детьми и показав им задание, я делаю то, что, скорее всего, делают все библиотекари, когда подступает тревога: я составляю список.

Вот что случится с моими детьми, пока они будут находиться с безответственным и не заслуживающим доверия отцом:

• они начнут пить, курить и заниматься сексом;

• Кори забеременеет, а Джо подхватит герпес;

• Джон сделает всем, включая себя, одинаковые татуировки. Пока не придумала, какие;

• татуировки будут на шее;

• они поедут в какой-нибудь старый и раздолбанный парк развлечений, как фильме «Большой», дети там потеряются и останутся ночевать в картонных коробках с бездомными кошками и использованными героиновыми шприцами, пока я не приеду и не заберу их.

Вышеуказанное вполне может произойти, но гораздо хуже будет, если вместо этого у них все будет прекрасно. А у меня при этом – нет.

Лина – у которой, замечу, детей нет совсем – убеждает меня, что это «чудесная возможность», но я совсем не хочу оставаться без детей так надолго. Я не хочу неделю кататься по Европе на поезде, даже если бы удалось наскрести деньги на поездку. Я не хочу «открывать в себе» художника или гончара. Как у любой матери, у меня накопилась усталость, и я могла бы проспать два дня подряд. Но что делать потом? Пить три дня перед теликом? Заказывать пиццу и вино в картонной коробке? Неторопливо гулять по гипермаркету без списка покупок?

Я пытаюсь представить себе наш дом без детей и свой календарь без дел – это тошнотворная смесь чувств облегчения и одиночества. Вспоминаю прошлогодние длинные выходные, когда мои родители забрали детей на три дня и повезли их в Вашингтон смотреть музеи и памятники. День первый: я включила «Девочек Гилмор»[9 - Американский комедийно-драматический сериал.], сделала двадцать циклов стирки, вычистила все поверхности в доме, собрала книжный шкаф из IKEA, прослушала пять часов подкастов для библиотекарей и связала шапочку для младенца. День два: проплакала перед холодильником. День третий: устроила «сюрприз», приехав к ним в Балтимор на день раньше запланированного срока. Стыдно вспомнить.

«У меня не просмотрено несколько серий любимых сериалов, – думаю я. – И, может, успею покрасить стены в кухне».

Я оглядываю класс – все заняты выполнением задания. Урок посвящен планированию, и ученики, уткнувшись в планшеты, составляют собственные планы. А, скорее всего, переписываются с кем-нибудь и параллельно делают школьный проект, цель которого – хоть как-то занять детей долгосрочной и запутанной задачей с весенних каникул и до лета. Его суть в том, что ученики с десятого по двенадцатый класс выбирают себе специализацию и первые полчаса каждого учебного дня посвящают ей. Это может быть все что угодно – от составления воображаемого учебного расписания по аналогии с университетским до написания «диплома» по выбранному профилю или участия в учебно-практических программах в городе. Если кто-то выбирает медицинский профиль, они должны разработать план, как оплатить обучение, как сбалансировать в своем учебном расписании все необходимые для получения квалификации предметы и не переборщить с нагрузкой в семестрах. Узнать, какие лабораторные занятия им потребуется посетить, сколько будут стоить учебники и в какие учебные секции они должны записаться. Потом они пишут курсовую объемом минимум десять страниц, посвященную вступительным экзаменам в мединститут, и, наконец, за неделю до начала лета начинают

ходить тенью за каким-нибудь специалистом в выбранной сфере, чтобы тот дал им хорошую рекомендацию. От нее будет зависеть их оценка, на которую также влияют диплом и то, насколько качественно они составили расписание занятий и финансовый план. А оценивать их будут преподаватели, не занятые оценкой обычных выпускных экзаменов. Другими словами – я. А также школьные кураторы, преподаватели по спецдисциплинам, тренеры и даже медсестры. Свистать всех наверх!

На моем уроке ученики как раз сейчас делают нечто подобное, и некоторым из них оценки буду ставить я. А я хочу, чтобы они все получили пятерки и я могла гордиться собой. Поэтому я демонстративно медленно подхожу к доске, на которой написано количество дней до срока сдачи их работ. В классе повисает тревожная тишина, я стираю 15 и пишу 14. Осталось 14 дней до дедлайна. Затем с серьезным видом я пишу под этой цифрой:

Расписание занятий?

Финансовый план?

Диплом?

Рекомендация?

Многозначительно взглянув на класс, я оставляю этот грозный перечень говорить сам за себя. А сама достаю планшет и пишу Лине.

Эми: Я буду жить с тобой, когда дети уедут.

Лина: Нет.

Эми: Я серьезно.

Лина: Нет.

Эми: Будет классно. Я буду готовить нам ужины, мы можем пересмотреть все фильмы с Даниэлем Крейгом.

Лина: Мы это и так делаем каждую субботу.

Эми: Так зачем же нарушать традицию?

Лина: Тебе нужно начать жить своей жизнью.

Эми: Разве монахини не должны быть добрыми?

Лина: Не знаю, с чего ты это взяла.

Так. Значит, провести неделю с Линой не получится. Тогда поеду во Флориду к родителям. Проведу неделю под обжигающим солнцем Тампы и подумаю о том, бывает ли так, что ребенка подменили в роддоме, а он все равно выглядит, как родители, которые бесконечно смотрят новости по Fox News[10 - Американский информационный телеканал.] на громкости, сопоставимой с отбойным молотком.

Мне нужно чем-то занять себя в предстоящую мне одинокую неделю. Кроме стирки. Чем-то значимым. У меня не было ни одной свободной недели с тех самых пор, как родились дети. Конечно, за последние пятнадцать лет во мне накопились неудовлетворенные желания. Или, другими словами, накопились долги перед собой. Я много чего откладывала на потом. Например, собственное образование.

Ага! Я могу продолжить обучение. Это уже что-то. Преподавательский состав, занятый на школьном проекте, получает ежегодно образовательные бонусы. Я могу использовать их и за неделю освоить новую компьютерную или учебную программу. Это позволит мне вернуться домой во всеоружии и, к примеру, отслеживать телефонную активность Кори и заставить Джо ежедневно до конца лета проводить время на улице.

Открываю сайт Американской библиотечной образовательной ассоциации и иду в раздел конференций и дополнительного образования. Она размечена характерным для библиотекаря способом: зеленым помечены образовательные мероприятия, а голубым – книги. Уже не в первый раз мне захотелось, чтобы эти две категории смешались на экране и обрели цвет морской волны.

Календарь загружается очень медленно. Если повезет, я смогу найти мероприятие недалеко, в Скрэнтоне, куда можно метнуться одним днем. Или еще лучше – онлайн-курс. Я смогу остаться дома, есть суп и учиться прямо в пижаме. Пожалуйста, пусть найдется дистанционный курс, который я еще не проходила.

Что я вижу:

Нью-Йорк, 1–4 июня, курс Колумбийского университета

Школьная библиотека будущего: в рамках нашего курса вы узнаете, как самые передовые школы Америки – государственные и частные – внедряют новые решения. Принесите в вашу школу будущее, сохранив при этом лучшее из прошлого. Что станет нормой для школьников через 10 лет? Планшет с несколькими экранами? Часы-проектор? Складной телефон? Будущее наступит в Нью-Йорке уже в июне! 10 квалификационных единиц. ИЩЕМ СПИКЕРОВ!

О! Нью-Йорк.

Да! Достаточно близко, чтобы рвануть домой, если Джон с чем-то напортачит, и достаточно далеко, чтобы было похоже на настоящий отпуск. И в Нью-Йорке я не была с… с тех пор, как познакомилась с Джоном. Раньше я любила Нью-Йорк. Мы с Талией, соседкой по комнате в общежитии, при любой возможности садились в поезд и ночевали на диванах в непонятных отелях, а один раз, протанцевав где-то до четырех утра, – на бархатных креслах в лобби отеля St.Regis, наврав что-то только что заступившему на смену администратору.

Что мы только не делали в Нью-Йорке! Я и Джону-то не рассказывала о большей части своих приключений, не говоря уже о детях. При этом за последние пятнадцать лет я почти не вспоминала этот город. С тех пор, как я забеременела и родилась Корин. С тех пор, как мне до ужаса захотелось спокойной жизни в большом доме с красивой кухней, как у меня сейчас. Конечно, я не мечтала о том, чтобы мой муж вдруг исчез на три года и мне не хватало денег на детей, но в общем и целом такую жизнь я и хотела. Но не всегда. Много-много лет назад я жила громко, бурно, весело. Тогда я была другим человеком.

Захожу в сообщения. Сколько уже лет я не писала Талии? Последний раз – через год после ухода Джона, сразу после ее последнего повышения в журнале? В любом случае, это было очень давно. Даже стыдно.

Но я знаю, что она поймет. Когда мы вновь окажемся в одной комнате, все будет так, словно мы и не расставались. И так было всегда. Вдруг мне жутко захотелось снова ее увидеть. Посмотреть, какова она – жизнь без детей, мужей и одежды, купленной в гипермаркете заодно с зубной пастой и ежедневными прокладками. Пишу ей:

Привет, подруга. Буду в НЙ в первую неделю июня. По кофе или чего покрепче?

В ответ тишина. Потом точки, означающие, что она набирает сообщение. Потом снова тишина. Я начинаю нервничать. Она обиделась, что я так долго ей не писала? Или, может, она уже давно стерла мой номер? Пишу:

Это Эми. Эми Байлер.

Снова эти точки. Так. Она прочитала сообщение…

Талия: Эми… ЭМИ!

Так, вроде это хороший знак.

Талия: ЭМИ БАЙЛЕР ТЫ КУДА ПРОПАЛА?

Я начинаю набивать извинение – была занята, жизнь, как у белки в колесе, и я потеряла ее с радаров…

Талия: Жить будешь со мной.

Я стерла все, что написала:

Эми: Правда?!?!??! У тебя точно хватит места?

Талия: Не могу говорить. На встрече. Позвони, как выдвинешься.

Осчастливленная, я пялюсь в планшет. Что ж, теперь мне не придется жить с какой-нибудь странной библиотекаршей из Айдахо, да еще и платить за это удовольствие двести долларов за ночь. Я смогу использовать суточные, если мне их выдадут, на еду. Или на напитки!

Эми: Здорово! Спасибо! Позвоню тебе.

Талия: Не пиши мне, я работаю.

Эми: Прости. Просто обрадовалась.

В ответ – ничего, ни точек, ни смайликов, ничего. Конец разговора. Я откладываю планшет, и меня начинает трясти от радости. Неужели все так просто устроилось? Может же моя жизнь хотя бы иногда складываться удачно? Короткая поездка в большой город, где я смогу пообщаться с коллегами – книжными фанатиками и увидеться с оторвой-подругой, свободной от семейных хлопот. И все это – вполне подъемно по деньгам. А мои дети при этом будут с бросившим их когда-то отцом. Это все правда или Вселенная подготовила для меня коварную ловушку?

Планшет мне подмигнул. Я разблокировала его и вижу новое сообщение от Талии. Ссылка на карту. Иду по ней и попадаю на здание в невероятно модном районе Бруклина. Там она живет. Вся карта истыкана флажками с названиями популярных мест. Бары, рестораны, про которые я читала в журналах, магазины, в том числе фермерских субпродуктов. Вот это да! Талия очень крута!

Планшет снова замигал, и я возвращаюсь в мессенджер. Талия в своей лаконичной манере решила парой слов сделать контрольный выстрел:

Оторвемся по полной

Я была бы не я, если бы не настояла, чтобы в рамках подготовки к первой неделе каникул Джон пришел к нам на семейный ужин. А поскольку я – это по-прежнему я, разве возможно обойтись без повестки предстоящего мероприятия?

Повестка семейной встречи. Вторник, 9 мая, 17.30—?

Протокол предыдущей встречи: отсутствует

План на первую неделю лета:

Обсудить примерный распорядок дня, обязанности на неделю

Ожидания по поведению: Джо

Ожидания по поведению: Кори

Ожидания от родителя: Джон

Основные правила

Правила ежедневного общения

Практическое упражнение: использование эпипена[11 - Медицинское устройство для введения дозы адреналина.], если случайно подавился арахисом

Вопросы, обсуждение которых откладывается на неопределенный срок:

Почему Джон оставил Эми?

Почему Джон вдруг решил вернуться?

Джон все еще любит Эми?

Когда у Эми снова будет секс?

Совершенно очевидно, я не планирую знакомить с этой повесткой остальных участников встречи.

Джон пришел на пятнадцать минут раньше, к чему я оказалась эмоционально не готова, но он уже стоит в дверях с ожидающим выражением лица. Я тоже смотрю на него. Он все еще красив – большой, широкий и уверенный. Меня захватывают воспоминания – его шутки на семейных ужинах, охота на покемонов в округе, игры в детский американский футбол, во время которого Кори каждый раз визжала, когда он делал вид, что перепутал Джо с мячиком. Его безукоризненная имитация выражения лица Даффи Дака.

– Где дети? – спросил он не голосом Даффи Дака.

– Вернутся домой где-то через полчаса, – отвечаю я. – Кори заканчивает писать курсовую, а Джо – на дебатах. Кори дождется его в школе и приведет домой.

– Я думал, дети уже будут дома.

– Ну, – говорю я, не испытывая никакой вины, – у детей напряженный график.

– Да, конечно. Я ушел с работы пораньше, хотел их увидеть.

– Это очень неожиданное желание.

Он ничего не говорит, но выглядит обиженно. Я пытаюсь проглотить гнев, но его присутствие в этом доме заводит меня, как звезду перед взрывом.

– Не поможешь мне? – спрашиваю я его тоном, максимально напоминающим нормальный. – Сейчас у нас стол служит временной подставкой для учебников. А нужно снова вернуть ему свое предназначение.

В дни, когда у детей нет кружков после школы, они приходят домой и делают уроки на противоположных сторонах обеденного стола на шесть персон. А поскольку Кори, устав от нудной алгебры, достигла высот в мастерстве отвлечения от уроков брата, мы соорудили между ними маленькую перегородку из двух склеенных картонок, которые когда-то служили им для презентации на школьной научной ярмарке. Поверх презентации на тему «Проводит ли

картошка электричество?» Джо сделал визуальную карту своих школьных достижений, университетов, в которые он хочет поступить, и специальностей, про которые хочет разузнать побольше. Напоминаю: бедному ребенку всего двенадцать лет.

А поверх презентации на тему «Как измерить температуру разных цветов?» Кори приклеила фотографии актера из сериала «Стрела»[12 - Американский приключенческо-супергеройский телесериал с элементами драмы.] и Бенедикта Камбербэтча[13 - Британский актер, наиболее известен по роли Шерлока Холмса.]. Мы зовем его просто Бэтч. И я не сильно против, чтобы с кухни, где я чаще всего бываю в это время суток, мне был виден только профиль Кори.

Джон смотрит на это все, удивленно подняв брови.

– Очень надеюсь, что это сторона Кори, – показывает он на полуобнаженное фото Стивена Амелла[14 - Канадский актер, сыграл главную роль в телесериале «Стрела».]. И хотя можно уверенно предположить, что Джо сохнет по Мейси Фезерс, которая немного старше и частенько обыгрывает его в шахматы, я позволяю себе поиздеваться над узостью мышления Джона.

– О! Ты волнуешься, что я позволяю твоему сыну гейские проявления? Ты что, его отвергнешь, если он станет геем? – насмешливо спрашиваю я.

Он краснеет, как и следовало ожидать.

– Прости. Ты права. Мне это неважно. Я просто нервничаю и говорю не то.

– И правильно нервничаешь. Ты поступил ужасно. И с кем? Со всеми нами. – Я обвожу жестом стол с перегородкой так, словно Бэтч – часть нашей семьи.

Джон вздыхает. Через какое-то время после его ухода мы стали общаться получше, но первые месяцы я ему регулярно звонила и оставляла на голосовой почте сообщения про то, какое он ничтожество, жалкий червяк, и даже говорила некоторые слова, которые слышала только в сериалах. Поэтому мой гнев вряд ли стал для него откровением.

– Видимо, ты заморозилась во времени.

– Не заморозилась! – негодующе возражаю я из оборонительной позиции. – Если заморозилась, то не во времени, а в месте. Я работала, заботилась о двух детях и жертвовала всем, что мне хотелось или было нужно, чтобы они могли ходить в хорошую школу, хорошо питаться и иметь хороший дом. Я научилась выживать на школьную зарплату, самостоятельно чинить унитаз, не вызывая сантехника, шить костюмы елизаветинской эпохи из отделочной тесьмы и одежды из секонд-хенда. Я научилась жить на кофе, покупать только на скидках и спать на работе. Я была вечно занята! – выпаливаю я и понимаю, что слишком завелась. – Вряд ли я заморозилась во времени, – добавляю уже более спокойно. Но уже осознаю, что слишком увлеклась.

Судя по виду Джона, он балансирует между чувством вины и раздражением. Каждый раз, когда я вижу у него такое выражение лица, я сдаюсь – оно словно говорит мне, что ему уже и так плохо и больше не надо подливать масла в огонь.

– Ну что же мне делать? – устало произносит он. – Я уже десять раз извинился перед тобой.

Конструктивного ответа у меня нет.

– «Вернись в прошлое, не оставляй нас на мели, не исчезай в Гонконге». Может, так? Не думал об этом? – говорю я, а сама продолжаю кипеть, но уже про себя: «А можешь вернуться еще дальше – за два года до этого. А потом, когда у тебя наступит кризис, проживи его со мной.

Он устало вздыхает. Он всегда в конце концов оказывается пострадавшей стороной, и сегодня все идет по проторенному пути.

– Я уже здесь, Эми. Может, пока мы ждем детей, не будем топтать друг другу мозоли?

Я игнорирую вопрос:

– Убери со стола, пожалуйста.

Он убирает. Я готовлю. За пять минут мы успели превратиться в подобие семейной пары с натянутыми отношениями. Это такое знакомое мне чувство!

При этом мне очень грустно. Именно эти моменты совместной жизни я потеряла с уходом Джона. Три года я пыталась убедить себя, что они мне не нужны.

Режу базилик и чеснок для соуса песто. Салат осталось только заправить винным уксусом. Не самая высокая кухня, но и не привычный понедельничный замороженный ужин – жареный рис с овощами и китайские пельмени. Краем глаза вижу, что он накрывает на стол, без проблем обнаруживая в шкафу все, что нужно. Все осталось на своих местах. Кроме меня.

И зачем я хочу его впечатлить готовкой? Про что это все? – спрашиваю сама себя.

Пока закипает вода для спагетти, а в блендере шумно перемалывается песто, я вспоминаю, о чем мне нужно было поговорить с Джоном до того, как вернутся дети: о границах, которые они не должны нарушать. О правилах и параметрах.

– Джон?! – кричу я в направлении столовой. – Может, нам лучше сейчас обсудить с тобой правила на время вашего отдыха?

Только Джона в столовой больше нет. Я его нигде не вижу. Выключаю блендер и иду к входной двери. Он сидит на старом сером диване, обхватив руками голову. Рядом с ним лежит фотоальбом, который дети подарили мне на последнее Рождество, назвав «Хватит звать нас двойняшками». В нем – их снимки за целый год, в течение которого они занимались разными активностями – ныряли, выступали на публике, праздновали Хэллоуин, делали наши обычные воскресные буррито на завтрак в поварских колпаках.

Я встаю как вкопанная. За все годы нашего брака Джон плакал не больше трех или четырех раз. Он вырос в семье с жесткими ожиданиями по поводу мужских и женских ролей. Однажды он сказал мне, что ни разу не видел слез отца. Джон же плакал, когда родились наши дети, плакал по телефону, когда позвонил из Гонконга и сказал, что никогда не вернется. Тот разговор… Мы оба так сильно плакали, что с трудом произносили какие-то слова. Смысл их было не понять, да они и не были похожи на слова.

«Прости, – раз за разом повторял он. – Прости. Я должен. Я умираю».

Мозг так странно устроен, что во время кризиса он как бы отключается и выбирает из окружающего только то, что сможет перенести. И вот мой мозг выбрал слова «я умираю», и я тогда подумала: А, так вот в чем дело! Если умирает, то ладно. Он не уходит от меня, он просто умирает. Слава Богу. А то я уж было решила, что он от меня уходит.

А потом, конечно, мозг включается ровно настолько, чтобы внутрь пробралась одна рациональная мысль. Вообще-то он не умирает. Козел.

«Ты умираешь? Это жизнь со мной тебя убивает?» – спросила его я тогда.

«Что? – переспрашивал он раза три, потому что я слишком часто шмыгала носом. А то, что он никак не мог понять меня из-за всхлипываний, еще больше меня злило. А потом я миновала стадию гнева и погрузилась в боль и просто бесконечно твердила одно и то же. – Ты ужасный человек. Это ужасный поступок. Ты совершаешь ужасный, ужасный поступок».

В какой-то момент он повесил трубку, но я повторяла это заклинание месяцами – всем друзьям, кто соглашался слушать, моим родителям, его родителям, всем, за исключением двоих людей: Кори и Джо.

Я делаю глубокий, глубокий вдох и сажусь рядом с ним на диван.

– Джон, – тихо зову я и кладу руку ему на спину. Это привычное движение, которое осталось на уровне мышечной памяти. У меня не было намерения делать это. Дотронувшись до него, я уже сожалею об этом. – Все можно поправить. – Я имею в виду его отношения с детьми. Но перед глазами у меня в этот момент стоит обручальное кольцо, которое лежит сейчас в самом дальнем углу шкатулки с драгоценностями наверху, в моей спальне. Я так и не избавилась от него. Сказала себе, что оставлю на черный день. Который и так наступает каждый день последние три года.

Он смотрит на меня:

– Прошли годы. Четверть жизни Джо.

Я киваю. Боль меняет восприятие времени, превращает его в изнурительный путь, и мне кажется, что прошла половина моей.

– Но они не настроены ненавидеть тебя. Да, они озлоблены и, скорее всего, будут задавать реально трудные вопросы. Но они также хотят – отчаянно хотят, – чтобы ты все исправил.

Я говорю от имени детей, конечно. Я не говорю за себя. Ну, мне так кажется.

Он сокрушенно качает головой. Вечно у него нет никаких идей. Вечно он готов сдаться. Чувствую, как снова подступает гнев.

– Не иди на поводу у лени, Джон. Если ты не собираешься вложиться сейчас, не собираешься вкладываться в отношения, то просто уходи. Я не позволю тебе здесь остаться ни минуты. Если у тебя цель снова их разочаровать…

Или меня. Он качает головой:

– Конечно нет. Я просто… ужаснулся.

– Конечно. И я тоже. Но эти дети гораздо умнее нас. Они сразу поймут, что мы притворяемся. Если ты хочешь провести с ними неделю, а потом исчезнуть на три года, они враз это поймут. Они будут тебя мучить, подвергать проверкам. Раз за разом, пока не удостоверятся, что ты на самом деле хочешь быть с ними. Если не готов, просто не трать время.

– Я готов. Я хочу этого больше всего на свете. Не хочу тебя пугать, но мне нужны настоящие отношения с детьми. Я сейчас вице-президент и могу все лето работать дистанционно. Если будет что-то срочное, лететь до Чикаго совсем недалеко. В Гонконге я не нужен до сентября. И с годами у меня будет все больше свободы и автономии. Неделя с детьми может стать лишь началом… если ты не будешь возражать.

– Что? – От удивления я бледнею. Я начинаю трястись и паниковать. Он что, претендует на детей? Он хочет их похитить?

– Подожди, подожди, – останавливает он меня, увидев выражение моего лица. – Ты только что спросила меня, готов ли я к долгосрочной перспективе. Я отвечаю тебе, что готов. Не надо сейчас мысленно нанимать адвокатов и писать сценарий всей жизни.

Я делаю глубокий вдох и киваю. Конечно, он прав. Как же это возможно, что человек, с которым я уже столько лет не живу, все равно знает меня лучше всех в мире? И как же страшно знать ответ на этот вопрос.

– Они будут жить со мной, – говорю я больше для собственного спокойствия.

– Они будут жить с тобой, – кивает Джон. – Ты их мать. Я просто хочу… быть для них чуть лучшим отцом, чем был. – Я удивленно поднимаю брови. – Я просто хочу быть для них отцом, – поправляется Джон.

– Тогда я тебе помогу, – соглашаюсь я, хотя меня переполняет чувство несправедливости. Я помогу ему компенсировать ущерб, который он нанес детям. Хотя он нанес его и мне. – Но я не тебе помогу, – поясняю я. – Я помогу им.

А трусливая, надеющаяся, идиотская часть моего сердца шепчет сама себе, думая, что я не слышу: «А возможно, поможешь и себе».

Глава 3

Дорогая мама,

я уже знаю, что ты сейчас скажешь: мне нельзя использовать читательский дневник только для того, чтобы жаловаться на книги. Поняла. Я должна делиться своими глубинными чувствами о том, что я читаю на этой неделе, и нужно писать именно так – от руки, в большом красивом альбоме, чтобы я поняла, как жили люди в старые времена, когда машины не летали, а по земле бродили динозавры.

Но понимаешь, это же очень странно – написать шутку и не получить в ответ смайлик! Писать сообщения настолько естественнее! Это настоящая беседа. Ты знаешь, когда тебя поняли, а когда нет. А вот это писание от руки – неестественное. Оно безответно. Это все равно что кричать в пустоту. Прочитаешь ли ты этот текст? Когда? Ты сейчас смеешься? Или ты читаешь мою писанину по диагонали? Ты хочешь что-то мне ответить?

Я люблю тебя, мам, правда. Но мне кажется, ты совсем не понимаешь, каково это быть… кем?.. Молодым? Кем-то другим, новым. Я – такой человек. Я прожила пятнадцать лет, и сейчас самое время познавать мир, а не дряхлеть и занудствовать. И прежде чем ты начнешь занудствовать (видишь!) на предмет твоей мудрости и опыта, позволь мне сказать, что я знаю, что ты и папа на медовый месяц летали в Париж. Но что еще вы делали вместе с тех пор? Что ты вообще делаешь для себя, для собственного удовольствия? Я вижу только, как ты работаешь и достаешь меня и Джо.

Что вроде бы и ничего. Я уже поняла, написав последнее предложение, что твоя жизнь сейчас – не про удовольствие, и это не совсем твой выбор. Это был выбор папы. Думаю, это он виноват в том, что твоя жизнь свелась к работе и продуктовым магазинам. Если бы он не ушел, вы бы наверняка снова съездили в Париж. А мы бы тоже с вами поехали, если бы он не ушел?

На самом деле я просто хотела сказать, что после долгих раздумий я решила не читать «Загадочное ночное убийство собаки». Весьма вероятно, что эта книга «очень важная», но уж точно не «очень интересная». Вместо нее я прочитаю «Пять дней в Париже» Даниэлы Стил. Она увлекла меня с самого начала. Там идет речь про сенатора, жена которого влюбляется в богатого мужчину. Ну ты сама знаешь.

Ого. Ты не можешь со мной спорить, потому что это дневник, а не сообщение в мессенджере. Ого! Я покорена.

С любовью,

твоя неграмотная дочь Кори.

На следующий день, как только в школе звенит звонок после последнего урока, я гарцующей походкой вхожу к Лине.

– Лина, – шепчу я. – Лина! Бросай все дела и пойдем выпьем кофе.

– Не могу, – отвечает она, сгорбившись за монитором. – На сайте RealSteal нереальные скидки. – Лина, бывшая монахиня, учитель, несущая детям ценности и этику, духовный наставник не только мой, но и моих детей, умудряется при этом быть заядлой шмоточницей. – Мне нужна вот эта сумка.

Я ставлю рядом с ней еще один стул и смотрю на экран:

– Знаешь, первый шаг – признать, что у тебя проблема.

– Эта фраза вызывает у меня недоумение. Первый шаг – это поверить, что у тебя есть проблема, так? И только потом ее можно признать. Если ты признаешь проблему, прежде чем ты поверишь, что она у тебя есть, разве будет от этого хоть какая-то польза?

– У тебя проблема, – четче выражаюсь я. – Поверь.

– У меня есть увлечение, – поправляет меня она. – Посмотри на это. – Лина поворачивает монитор ко мне.

– Это очень красивая сумка. Конечно, она совершенно не в стиле Лины. От Longchamp[15 - Французская компания, специализирующаяся на предметах роскоши.]. Консервативная. Солидная. Почти что классически-скучная.

– Через десять минут цена снизится на десять процентов. В этот самый момент мне нужно успеть обновить страницу и купить ее первой.

– Мне кажется, твое время стоит этих десяти процентов, – говорю я, просто чтобы услышать ее контраргумент.

– А мне кажется, что первые десять минут после завершения уроков стоят ноль долларов. Если мы выйдем сейчас куда-нибудь за пределы школьных стен, везде будем натыкаться на учеников – на парковке, в кофейне, в парках, в лавках с мороженым, да даже в магазине батареек, потому что в 15.15, после уроков, они пойдут куда угодно, только не назад в школу. Хочешь со мной поговорить? Закрой дверь, сядь поудобнее, а я обновлю страницу, потому что здесь сейчас

единственное место во всей округе, где нас не подслушает никто из учеников.

Я пожимаю плечами. Нужно отдать Лине должное, кресло у нее очень удобное – с низким сиденьем и высокой спинкой. Она нашла его чуть ли не на улице и сама перебила, купив строительный степлер и ткань с ярким цветочным принтом. По ее мнению, сидя в мягком кресле, люди раскрываются охотнее. Возможно, по той же самой причине сама она сидит в обычном учительском кресле из ближайшего гипермаркета.

– Вчера приходил Джон, – выпаливаю я, как только моя попа касается сиденья кресла.

После этих слов Лина наконец отрывает голову от экрана – впервые с тех пор, как я вошла.

– Ого, – удивленно тянет она, подняв брови.

– Он плакал!

– Вполне ожидаемо. – Она снова переводит взгляд на экран. – Что еще он делал?

– Хорошо отзывался об ужине, о том, как я воспитываю детей, об их оценках. Об их поведении за столом. Все время подлизывался. Это было невыносимо.

– Невыносимо плохо или невыносимо приятно?

Лина так хорошо меня знает!

– И то, и другое, наверное.

– А дети?

– Я с них глаз не свожу со вчерашнего вечера. Ищу симптомы стресса или расстройства. Но у них все отлично. Лучше, чем у меня, на самом деле.

– Дети могут демонстрировать редкую стойкость.

– Я знаю. Я то же самое сказала себе. Но после его ухода они еще долгое время оставались во власти эмоций.

Я вспоминаю, как Джо и Кори смотрели на Джона, вернувшись домой. Поначалу они держались вызывающе. Джон начал с извинений, но он и раньше перед ними извинялся.

– Три года, Лина, – снова возвращаюсь я в исповедальное кресло. – Как можно извиниться за трехлетнее отсутствие в жизни ребенка?

– Нельзя, – задумчиво произносит Лина. – Можно лишь доказать, что изменился, что стал лучше. У Джона есть какой-нибудь план?

Я молчу. Вчера вечером прозвучало много планов, но не все мне понравилось.

– Сейчас я тебе расскажу, что он вытворял.

Она кликает мышкой, смотрит на экран и откидывается на спинку кресла.

– Давай.

– Первые полчаса прошли очень напряженно. Джо и Кори смотрели на Джона так, будто он какой-то инопланетянин, прилетевший захватить наш дом. А я смотрела на детей так, будто они – хрупкие фигурки из стекла. А Джон старался изо всех сил – будто был готов и чечетку для них сплясать, и еле сдерживался. Кори то и дело грозила уйти в гости к Тринити, а Джо вжимался в стул так, словно хотел слиться с деревом. Я уже была готова тушить свет и распускать все это сборище, как вдруг Джон засовывает руку в карман и достает маленькую бутылку лавандового масла.

– Лавандового масла? – переспрашивает Лина.

– Спрей от монстров. Помнишь, у Джо была фобия монстров, которые живут в шкафах? Когда ему было четыре или пять лет, Джон и Кори нарисовали фальшивую этикетку с надписью «спрей от монстров», наклеили ее на баллончик с лавандовым маслом и убедили Джо, что одно нажатие на пульверизатор – и все монстры сразу же умрут. И вчера вечером он принес ту

самую бутылочку, передал ее Кори и сказал, что они в любое время могут распылить ее на него, если действительно, по-настоящему захотят, чтобы он ушел. И тогда он уйдет. Сказал им, что любит их больше жизни и что хочет быть здесь, но если его присутствие приносит им боль, им просто нужно сказать одно слово.

– Ого!

– Да. И все сразу изменилось. Кори посмотрела на пузырек, открыла его и вдохнула. Аромат разнесся по всей комнате. Я впервые снова вдохнула его с тех самых пор, как Джо был маленький. А ты же знаешь, как работают запахи. – Лина кивает – Все вдруг снова вернулось – как мы бегали по дому и опрыскивали лавандой самые темные углы и места под мебелью. Смеялись и клялись, что видим, как монстры сжимаются и превращаются в пыль: «Вот, смотри, еще один! Ты не успел его увидеть!» А потом все смеялись на кровати у Джо и жаловались, что теперь нам потребуется целая вечность, чтобы убрать трупы этих монстров.

– Вы были настроены очень решительно. – Лина улыбается.

Я киваю.

– А потом Кори ставит пузырек перед Джо, а он кладет руку на пульверизатор и направляет на Джона. Мы все перестали дышать. Он ставит бутылку на стол и говорит: «Мам, я проголодался. У нас есть еда?». И на этом все.

– Ух ты, как чудесно!

Я задумываюсь. Да, это правда чудесно, если не обращать внимания на густой туман из сомнений и разочарований в отношении Джона, который застилает мне взгляд. Но если отвлечься от моих чувств – а разве не это я называю материнством? – то, что мои дети смогли встретиться, пусть настороженно, со своим отцом после его трехлетнего отсутствия – это действительно чудесно.

– А что он в итоге вытворил? – напоминает Лина.

Я выпадаю из забытья.

– Сейчас расскажу. Мы едим пасту, передаем друг другу песто, и атмосфера за столом все лучше и лучше. И, клянусь, Джон не сводит глаз с моего бокала с вином, ждет возможности снова его наполнить. Можно подумать, у меня не хватит мозгов, и я буду напиваться в его присутствии. В общем, все друг другом довольны, и все идет слишком хорошо. Дети очень на него похожи, знаешь, во многих отношениях.

– Да? – Лина с Джоном общалась хорошо, но не сказать, чтобы близко.

Я киваю.

– У Джо такое же задумчивое выражение лица, как и у него. И тот же инстинкт бежать от любой опасности, испаряться перед любой трудностью, а не биться с ней. Он как…

– Мудрец, а не оборотень?

– Да. Мудрец, а не оборотень, – соглашаюсь я. – А Кори… наполовину женщина, наполовину тигрица.

– Оборо-тигрица, – вставляет Лина.

– Нет, не то, – возражаю я, но Лина не обращает внимания.

– А она чем похожа на Джона?

– Чувством юмора. Он хоть и живет в Гонконге, но мне кажется, они смотрят одни и те же сериалы. То и дело вспоминали шутки Джимми Фэллона[16 - Американский комик и телеведущий, ведет вечернее ток-шоу на телеканале NBC.]. Если бы Джимми собственной персоной сидел с нами за столом, а потом ушел, никто бы и не заметил. К тому же они слушают одни и те же группы. Временами разговор был похож на первое свидание. «О, тебе нравятся те-то и те-то? Да я их сам люблю! Ходил на концерт, когда они приезжали к нам! Они играли «Вонючего психа». Вот это да, они же никогда его не играют на концертах!»

– А что за «Вонючий псих»? – перебивает Лина.

– Это я просто пыталась придумать прикольное название для песни, – поясняю я.

– У тебя не получилось, – замечает она и обновляет страничку.

– Да! – подхватываю я. – Если я не могу даже название придумать прикольное, это говорит о том, что я в целом неприкольная.

– В приколах ты не сильна.

– Это точно. В общем, чем дольше они были вместе, тем с большей радостью говорили про эту совместную неделю. А потом беседа переключилась с темы, сколько всего классного они будут делать вместе, на тему, что такого классного буду делать я, пока не будет детей. И сначала я ничего не говорила, а потом все же призналась, что, возможно, поеду в Нью-Йорк, и тут началось такое!..

– Ты, возможно, поедешь в Нью-Йорк? – чуть ли не кричит Лина. – Это же круто, очень круто!

Я отвожу взгляд в сторону.

– Может быть, поеду, но не факт, – говорю я, хотя уже подала заявку на выступление на конференции в качестве спикера. Чтобы школа заплатила за мою регистрацию, мне нужно выступить как минимум с одной презентацией, поэтому я решила рассказать об одной идее, которую я тестировала весной, о том, как привлекать детей к чтению. Для меня оказалось неожиданно интересным сформулировать свою концепцию, набить ее на клавиатуре и отправить на рассмотрение. – В Колумбийском университете пройдет библиотечная конференция. Я подумала – может, она окажется стоящей. Плюс я получу недостающие мне академчасы.

Лина морщит лоб и теряет интерес к теме.

– Я надеялась, что ты поедешь в Нью-Йорк гулять и заниматься сексом с незнакомцами.

– Да, ведь это мне так свойственно, – иронично замечаю я. – Может, даже татуху себе набью.

– Знак бесконечности на пояснице?

– 120.125, – подхватываю я.

Лина шутку не понимает.

– Это бесконечность в десятичной системе классификации Дьюи[17 - Система классификации книг, разработанная в XIX веке американским библиотекарем Мелвилом Дьюи.], – объясняю я. – Но мы ее больше не используем. Как оказалось, 120.125 на самом деле не бесконечность.

– Очень глубоко, – иронизирует Лина. – О! Получилось!

– Что получилось? – спрашиваю я, все еще думая о 120-й категории Дьюи. Это гносеология. Знание про знание. Одно из моих любимых увлечений.

– Сумка. Смотри! – Она снова поворачивает ко мне монитор. Рядом со страницей комиссионного магазина она открыла сайт бренда Longchamp, на котором продается та же самая сумка, только на 1000$ дороже.

– Вот это да! И что ты собираешься делать с сумкой за 1100$?

– Продам на Ebay, – невозмутимо отвечает она. – На 500$ дороже, чем купила.

– Ты шутишь? Люди столько заплатят за подержанную сумку?

Лина пожимает плечами:

– Я так уже несколько раз продавала. Может, они купят, а потом ее за 900$ продадут. Кто знает?

– Беру свои слова обратно. Это были правильно потраченные десять минут.

– Вот видишь? – Она улыбается.

– А что ты будешь потом делать с этими лишними 500$? – Я никогда не замечала, чтобы у Лины было много денег. Их отсутствие я объясняла невысокой зарплатой учителя и ее страстью к сумкам.

– Куплю новый беспроводной микрофон и подставку под него. – Я недоуменно смотрю на нее. – Для лагеря ЖДН. Там будет вечер талантов.

Я понимаю, что она имеет в виду проект помощи жертвам домашнего насилия. Лина давно и увлеченно является его волонтером.

– О, Лина. Я тебя люблю.

– А себе я куплю вот это, – говорит она, кликнув на симпатичную, слегка поношенную холщовую сумку-мешок за 43$.

– Это уже больше на тебя похоже, – киваю я.

– Можешь позаимствовать ее в любое время. Например, взять с собой в Нью-Йорк.

– Если я вообще поеду в Нью-Йорк.

– Пожалуйста, езжай. И хоть как-то развлекись, пока ты там.

– Примерно то же самое сказал Джон. Прямо перед детьми. Как будто это не по его вине я не купаюсь в шампанском.

– Он сказал, что тебе стоит немного развлечься? Что в этом плохого?

– Он попытался дать мне свою кредитку, – выпаливаю я.

Лина отталкивается от стола и удивленно смотрит на меня.

– Что?

– Хочет побаловать меня, пока он с детьми. Так и сказал. Меня чуть не вырвало.

– Мужчина хочет позаботиться о твоих детях и дает тебе денег, а тебя от этого тошнит?

Я закатываю глаза.

– Я могу сама о себе позаботиться. Не хочу, чтобы от меня откупались.

– Наверное, на эту ситуацию можно посмотреть и с этой стороны.

– Я не возьму у него денег, Лина. Это грязные деньги. Когда он за ними побежал, то меня оставил просто ни с чем. Мы привыкли к его уровню доходов, я сидела дома с детьми, по специальности не работала сколько – двенадцать лет? Если бы не подвернулась эта работа, благодаря которой у меня есть скидка на оплату обучения детей, их жизнь пошла бы под откос. Ужасный был период. Оставить жену-библиотекаря совершенно одну с двумя детьми – это вообще не айс.

– Нет. И ты замечательно справилась – подпрыгнула и побежала. То, что ты позволишь Джону оплатить свои расходы на этой неделе, не отменяет прошлое.

Я сжимаю зубы и качаю головой:

– А кажется, что отменяет.

– Значит, ты сказала «нет»?

– Да. Я сказала спасибо, но не надо, спасибо. И тут дети начали прессовать меня, чтобы я взяла карту.

– Не удивляюсь. Они на твоей стороне. Как и я.

Я не хочу этого слышать.

– Просто они любят тратить чужие деньги. Кори говорила про нью-йоркские рестораны, которые видела в сериалах. Джо твердил про сокровища музея естественной истории, музея транспорта, музея иммиграции. Сколько же у него знаний! Господи, пожалуйста, пусть он не потратит свои способности на

научную карьеру историка.

Лина смеется:

– Теперь ты не хочешь, чтобы Джо получил специальность историка?

– Я хочу, чтобы он сделал карьеру в области счастья до конца жизни. Думаю, лучше всего его отражает слово «юриспруденция».

– А я думаю, эти две области диаметрально противоположны. Хотя что я, учитель этики, об этом знаю?

Я смеюсь над ней и качаю головой.

– Я знаю, что не могу выбирать будущее для детей, но это так неимоверно тяжело – понимать, что для них будет лучше, и отказывать себе в праве направить их в эту сторону. У Джо такое доброе сердце! Я боюсь, что он выберет себе не очень статусную работу, типа социальной сферы или преподавание в государственной школе, и просто сломается.

– Я слышу тебя. Могу только представить себе, как сложно позволить детям совершить свои собственные ошибки, – говорит Лина, напоминая мне, что и для матери, и для учителя этот навык, скорее всего, самый важный из всех. Но это тяжело – видеть наперед их потенциальные ошибки и просто держать за руку, когда они их делают. Конечно, речь не про ситуации смертельной опасности.

– Я поняла. Думаю, моя проблема с Джо в том, что он всегда принимает очень правильные решения. Мне даже не приходилось позволять ему ошибаться.

– Значит, он примет правильное решение и насчет карьеры, когда придет время, – улыбается мне Лина. – Правильное решение для себя. На тот момент.

Я киваю и замечаю возможность для красивой аналогии.

– А то, что я отказываюсь взять карту Джона – правильное решение для меня, на данный момент. Но дети начали вести себя так, как будто я ломаю им весь кайф, и Джон начал настаивать, снова и снова повторять одно и то же, и в конце

концов я согласилась взять его карту на всякий пожарный случай, если он вдруг наступит. Так что теперь я счастливый обладатель карты бывшего мужа. Но есть еще кое-что. Ты готова?

– Давай выкладывай, – кивает Лина.

– Я ему прямо за ужином сказала – в качестве аргумента, почему мне не стоит брать карту, – что это бессмысленно, поскольку на карте указано мужское имя, и при попытке ею воспользоваться у меня могут возникнуть серьезные проблемы. И знаешь, что он сказал? Что уже заказал карту на мое имя, и она будет готова через два дня. Я говорю: «Что? Они дадут тебе кредитную карту на имя бывшей жены?» А он прямо перед детьми говорит: «Ну, ты же на самом деле мне не бывшая жена».

Лина начинает ерзать на своем стуле.

– А это еще что значит?

– Дети то же самое сказали.

– Ты еще замужем за Джоном? Я думала, ты давным-давно подала на развод.

– Я точно подавала. Разве нет такого понятия, как развод по нормам общего права?

– Такого понятия нет, – уверенно произносит Лина. – Как ты прекрасно знаешь и сама. Не строй из себя дурочку.

– Он был в Гонконге, – пожимаю я плечами. – Адвоката нанимать дорого. Получать развод поначалу мне казалось очень болезненной процедурой, а потом, со временем, и ненужной.

– В каком смысле – ненужной? Разве тебе не присудили бы алименты?

– Как по мне, он должен платить по своему желанию, а не по настоянию судьи, – вздыхаю я. – Я не должна требовать эти деньги. Он должен был жить здесь и заботиться о детях, не ожидая судебного приговора.

Лина закатила глаза под самый потолок.

– То есть ты решила замучить себя, вместо того чтобы предъявить претензии Джону.

– Я стояла на своих двоих, – поправляю я ее. – И, скорее всего, все к лучшему. По большей части наши активы были – есть – в доме, и он перевел его на меня без единого слова. И… – Я боюсь даже произносить остальное, боюсь признаться в степени своего эгоизма даже самой себе.

– И?

– У меня есть дети.

Я боюсь признаться, что боялась добиваться развода. Вдруг бы он начал претендовать на детей? Обычно суд исходит из того, что родители имеют равные права на детей, и заяви он о своем желании проводить с ними время, мне пришлось бы приложить немало усилий, чтобы выбить себе право полноправной опеки над детьми. Когда он ушел, мне было очень больно и я не была готова добавлять к этой боли то, что дети будут жить со мной только две недели в месяц.

– Ты все еще замужем! – изумленно качает головой Лина.

– Я все еще замужем. За Джоном.

– После его трехлетнего отсутствия.

– Я не знаю, что тебе сказать. Развод стоял в моем списке дел.

– Видимо, твой список дел впечатляющей длины.

Я пытаюсь зайти с другой стороны:

– Понимаешь, аннуляция брака была для меня тогда какой-то мелочью. Чтобы выжить в том хаосе, я должна была отбросить все неважное. Как, например, я

год не ходила на стрижку. А через какое-то время все успокоилось немного, и я уже была в состоянии заметить, что мне нужна стрижка. И я сходила в парикмахерскую. Ничего такого.

– Значит, теперь ты в состоянии заметить, что тебе нужен развод. И ты просто отправляешь документы и ничего такого?

Я моргаю. Настолько далеко в аналогии я еще не зашла.

– Ну, наверное, – пожимаю я плечами.

Но только это совсем не наверное. Я вдруг понимаю, что я совершенно не хочу разводиться. Сейчас не время переворачивать всю ситуацию вверх дном. Но только я не могу сказать об этом Лине. Если честно, я даже думать об этом не хочу.

– Может, Джон и подлец, – зачем-то говорю я, – но он хорошо соображает. Развод будет просто формальностью. Как стрижка. Ничего такого.

Я пытаюсь не замечать явный скептицизм на лице Лины.

Неделей позже я собираю чемоданы в своей спальне. До моего отъезда – еще одна неделя, и то, что я пакую вещи сейчас, просто смешно. Но следующие пять дней – последние в учебном году, и Кори будет безумно занята, да и я тоже, – мне нужно будет читать презентации и тезисы, не говоря уже о круговороте экзаменов, оценок и табелей. К тому же в кои-то веки в доме нет Тринити. Значит, если я хочу согласовать со своей пятнадцатилетней дочерью весь свой нью-йоркский гардероб до последней нитки, я должна это сделать сейчас. И я это сделаю. В отношении одежды она у нас непререкаемый авторитет.

У меня просторная спальня. Кори небрежно развалилась на мягкой прикроватной скамейке и перебирает ногами кучу обуви, пытаясь раскопать что-то, что не оскорбляет ее вкус. С восьми лет она как минимум раз в день ложится на эту скамью и рассказывает мне свои сердечные секреты или драмы из жизни ее друзей. Не в первый раз я благодарю свою счастливую звезду за то, что нам не пришлось никуда переезжать после ухода Джона.

У нас были отличные условия по ипотеке и достаточно другой собственности. Так сложилось благодаря ему – он настоял, чтобы мы внесли почти треть стоимости дома в качестве первого взноса, чтобы снизить ежемесячный платеж и расплатиться побыстрее. Джон терпеть не мог долги. Когда он ушел от нас, я переоформила ипотеку с пятнадцати на тридцать лет и совершенно на этот счет не расстроилась. Это позволило еще больше снизить ежемесячный платеж и остаться в нашем большом любимом доме, полном воспоминаний, а не арендовать что-то по соседству.

А дом у нас действительно прекрасный. У детей есть свои комнаты, в которых много места для хранения. Сначала шкафы были забиты конструкторами Lego и нарядными костюмами, которые затем уступили место сборникам комиксов (у Джо) и свитерами из торговых центров (у Кори). Моя дочь скупает все свитера, которые поступают в продажу. Некоторые – сразу в нескольких расцветках. Если мы идем в торговый центр, я могу гарантировать, что выйдем мы оттуда со свитером. Перед покупкой она размахивает передо мной двойными скидками, своими карточками постоянного покупателя и говорит, что цена у него всего $6.88 или еще смешнее, а я содрогаюсь от мысли о том, сколько их у нее уже скопилось. Носит она их по одному разу и бросает на пол, в кучу, чтобы больше никогда уже не надеть.

При этом выглядит она всегда хорошо – и не только благодаря молодости. У нее есть вкус, она хорошо видит сочетания цветов и форм, чем не может похвастаться мое поколение. Все, что я приношу домой из магазина, сначала проходит через нее, и только после контроля Кори я срезаю бирки. Нередко она смотрит на одежду, даже не доставая ее из пакета, закатывает глаза и говорит что-то вроде: «Это же невыносимо – любить человека, который никогда не научится хорошо одеваться» или «Ты с какой-то особой целью покупаешь уродливую одежду?».

И сегодня я как раз такой мешок одежды и принесла. Я пошла в дешевый Target[18 - Американская сеть розничной торговли.], намереваясь потратить сто долларов – на вешалках со скидками с такой суммой можно совершенно ни в чем себе не отказывать. Я купила пачку блузок и брюк в средней секции магазина – там обычно висит что-то среднее между совершенно старомодными «рабочими» коллекциями, к которым я обычно и устремляюсь, и молодежным безумием в передней части магазина. В моей сумке оказались кофты трендовых цветов с умеренно глубоким вырезом, струящиеся блузки с кружевами и вышивкой и даже юбка чуть выше колена. По правде говоря, я не совсем понимаю, с чем

носить юбки в конце мая. С сапогами и колготами? Вряд ли я могу себе позволить голые ноги. Есть ли социально одобренные ограничения возраста, до которого допустимы голые ноги?

Также я принесла домой две пары темных джинсов совершенно разной посадки. Я понимаю, что по крайней мере одна из этой пары совершенно ужасна, и рассчитываю, что Кори укажет мне, какая именно. В брюках я перестала разбираться совсем – это индикатор возраста. С какого-то момента теряется способность видеть, какие брюки сидят хорошо, а какие перешли в разряд старомодных. Словом, все это – доказательство, что я совершенно неспособна ходить по магазинам без посторонней помощи.

И вот я достаю все это из пакета и аккуратно раскладываю на постели, а Кори на меня внимательно смотрит.

– Я подумала, – осторожно начинаю я, – что этот верх подойдет к этим брюкам, а этот – к юбке, и тогда мне не нужно будет брать с собой много вещей.

– А туфли? – в ответ на все это вопрошает она.

– О, да. Конечно, я буду их надевать.

Она вздыхает.

– Смотри. В Нью-Йорке, если у тебя будут конференции, встречи, ужины, свидания, туфли должны составлять примерно половину веса твоего багажа.

Я изумленно моргаю:

– Это что, какая-то научно выведенная цифра? Ты могла бы мне дать ссылку, чтобы я сама изучила эти данные? И разве я что-то говорила про свидания?

– Мам. Перестань. Ты будешь ходить на свидания.

Я начинаю спорить, но останавливаю себя. Свидание – это хорошо, но только я понятия не имею, где я с кем-нибудь познакомлюсь.

– А что-нибудь из этого… подойдет для свидания?

Она внимательно рассматривает одежду.

– Ну… может…

Она достает блузку с самым глубоким вырезом с той стороны постели, где лежат джинсы, перекладывает ее на ту сторону, где лежат юбки, и кладет сверху длинное бренчащее ожерелье. Потом она дважды подворачивает юбку в талии, из-за чего та теряет значительную часть своей длины, и прикладывает к топу. Делает мне знак «подожди секунду» и идет в свою комнату. Оттуда она возвращается с парой туфель, которые я бы точно не разрешила ей купить, знай я, что они у нее есть. Она прикладывает их к наряду и говорит:

– Вот, одежда для свидания. Не самая нарядная, но ты и так не особенно наряжаешься.

Я смотрю на то, как она каким-то образом превратила полноразмерную мамскую одежду в костюм проститутки.

– Кори, я это не надену.

– Конечно, нет. Потому что никто и не заикался про свидания, – говорит она, многозначительно шевеля бровями.

На мгновение я погружаюсь в фантазии о том, что в Нью-Йорке я с кем-нибудь познакомлюсь.

– Очень красивые, – одобряю я, взяв в руки туфлю с открытой пяткой и радуясь, что мне повезло иметь дочь с прекрасным вкусом и одинаковым со мной размером обуви. Носок – с черно-золотым геометрическим рисунком, немного в стиле восьмидесятых – в моем стиле тридцатилетней давности. Ремешок из черной кожи с золотым замочком обхватывает лодыжку. Они одновременно женственны и статусны, сдержанны и сексуальны. Самые вдохновляющие туфли, которые я когда-либо видела. Я хочу быть женщиной, которая носит эти туфли.

– Можно мне их поносить?

– Конечно, мам. Я их все равно не собираюсь носить при папе. Если он хоть насколько-то папа, он не должен разрешить такое. У них низкий каблук, но при этом они страшно сексуальны, да?

– Ты права. Тебе их носить нельзя.

Кори смеется надо мной.

– Они еще и достались мне почти бесплатно, – начинает она рассказывать историю, что у нее был купон на пятнадцатипроцентную скидку, плюс они и так продавались с сорокапроцентной скидкой в торговом центре Macy’s, и так далее и тому подобное. Я на пару минут отключаюсь, представляя себе, как пойду весной по Манхэттену в короткой юбке, облегающей кофте и в этих туфлях. А я пойду, и это будет прекрасно.

– Я их у тебя куплю, – перебиваю ее рассказ. – Или куплю тебе другие туфли, не такие… взрослые.

Кори расплывается в улыбке.

– Договорились! Вот, – она передает мне смартфон с фотографией каких-то несуразных бирюзовых сандалий-гладиаторов, которые на скидке стоят меньше двадцати долларов. – Это вместо этих туфель.

Я смотрю на них. Они без каблука. Без каблука совсем.

– Они не на каблуке, – громко сообщаю я. – Значит… это Брайан?

Кори глубоко вздыхает и склоняет голову.

– Брайан. Он очень низкого роста.

– Но симпатичный, – замечаю я. – Ты выше него?

– Мы одного роста. Думаешь, у него есть комплекс неполноценности?

– Он еще растет, Кори. К тому же люди просто выдумали себе повод оценивать людей по росту.

– А Наполеон? У него же был комплекс?

– Сумасшедшие до власти люди бывают всех цветов и размеров, – поясняю я. – Чем волноваться о росте Брайана, лучше давай поймем, достоин ли он тебя.

Моя юная дочь снова вздыхает.

– Я не знаю, как это можно понять.

– Медленно. Не снимая кофты. – Кори поводит бровью. – Хорошо, не снимая штанов.

– Это я могу, – кивает она, и каждая клеточка моего материнского тела ликует. – На что мне смотреть, чтобы понять, достоин ли меня человек?

– Ну, что тебе больше всего нравится в людях? Включая тебя саму, – начинаю учить я.

Она задумывается.

– Мне нравятся добрые люди. А еще те, кто говорит правду. Кто действительно приходит, если обещал. О, а еще те, кто не считает себя лучше всех остальных.

Я киваю.

– Это прекрасный список качеств, которые ты можешь поискать у Брайана. Все это я вижу в тебе, так что ты заслуживаешь всего этого и даже больше. – Кори начинает кусать губы. – Что?

– Иногда я веду себя, как будто я лучше остальных. Знаешь, мальчикам нравятся уверенные девочки.

– Возможно, ты не просто так себя ведешь, а так и есть, – улыбаюсь я. – В конце концов, я считаю, что ты самая лучшая девушка из тех, кого я когда-либо знала.

– Ты моя мама. Ты должна так думать.

– Неправда, – качаю головой я. – Но в любом случае, ты – замечательная. И вокруг тебя много замечательных людей, поэтому не забывай об этом, если вдруг поймешь, что слишком сильно задрала нос.

– Я не забуду, если и ты не забудешь.

– Не забуду что?

– Что ты сноб. Что весь мужской пол недостоин тебя.

– Что? Откуда ты это взяла?

– Ну а по какой еще причине ты не можешь пойти на свидание раз в три года?

Я смотрю на нее, онемев от удивления. Что я могу ответить? Что я уверена, что Джон оставил меня, потому что меня невозможно любить? Потому что мне 40 лет, я библиотекарь, и у меня обычная фигура матери двоих детей, а не порнозвезды, я в очках, с длинными волосами в пучке. А еще у меня старомодная обувь и я не способна разобраться, какие брюки мне идут. Потому что мужчины, с которыми я общаюсь в жизни, – либо папы моих учеников, либо учителя моих детей. Потому что каким-то образом я по-прежнему замужем за бывшим мужем.

– Мам? Ты здесь? – Кори машет рукой у меня перед носом. – Прием! Вас вызывает земля!

– Прости, я выпала. Думала про… – Я обвожу глазами комнату и вижу часы. – Я думала про твоего брата. Я должна была купить сегодня апельсины. У нас они есть? Лучше заеду за ними в Wegmans. Ты что-нибудь хочешь оттуда?

Вот так все просто. Дочь обожает тамошние суши.

– Суши! – кричит она, и разговор о свиданиях мигом забыт.

– Суши так суши. Вернусь через полтора часа. Сможешь сложить в пакет ужасную одежду, а из того, что останется, сформировать комплекты?

– Естественно, мам. А что мне делать в остальной час и двадцать девять минут?

– Может, напишешь вступительное сочинение на тему упаковки обуви при существующих в авиакомпании ограничениях по весу?

– Прямо сейчас кинусь, – иронично отвечает она.

– Или попереписывайся с Брайаном. – Я направляюсь к двери, чтобы ей не пришлось изображать равнодушие. – Это просто идея.

Когда наступает момент моего отъезда, я чувствую себя ребенком: меня собственные дети отправляют в летний лагерь. Джон, Лина, моя соседка Джеки, которая согласилась присмотреть за домом и детьми в случае необходимости, – все собрались меня проводить, и у меня складывается явственное ощущение, что все мечтают поскорее спровадить меня из дома. И вот уже меня уверяют, что все будет хорошо, и что мне будут постоянно звонить, и Джеки присмотрит за садом и почтой, а Лина – за всем остальным. Джон подготовился основательно. Он принес много фотографий квартиры, которую снял, и она выглядит безупречно. В ней есть все необходимое, и он даже взял в аренду Volvo. Я вынуждена признать, что все в порядке и у них все под контролем. Но откуда-то из глубины подсознания кричит моя родительская часть: «Нет! Что ты творишь? Не оставляй детей!»

И эта часть настолько убедительна, что я на полном серьезе заставляю водителя такси развернуться и везти меня назад домой под предлогом, что я что-то забыла. На подъезде к дому я вижу, что дети сидят на ступеньках рядом с Джоном и вместе рассматривают его книгу, посвященную походам. Она лежит у него на коленях, развернута на странице с картой. Его тело расслаблено, он откинулся назад, на локти. Кори и Джо склонили головы к нему и над чем-то смеются.

Что мне сегодня утром сказала Кори? «Ты здесь все дела сделала, мам». Я смеюсь над этой мыслью. Я никогда не сделаю здесь все дела. Но на сегодня –

это все, и пришло время ехать. Я говорю водителю, что это была ложная тревога, и мы снова разворачиваемся и едем на станцию. И вдруг я чувствую, что с моими плечами что-то происходит. Что-то, чего не случалось с ними лет пять или даже дольше. Они расслабились. Я чувствую незнакомое ощущение, когда они опускаются, и приятное чувство, что напряжение уходит – из шеи и основания головы. Сколько же времени я втягивала голову? Интересно. И зачем я это делала?

Я сразу вспомнила Рождество, когда я сдалась и купила детям игровую приставку. У нас и сейчас очень строгие правила касательно ее использования, но первым правилом всегда было то, что сначала я играю во все, во что они планируют играть. Никаких Call of Duty 17[19 - Компьютерная игра-шутер о войне.] даже близко не разрешалось в моем доме. Джо хотел играть в гонки, а для них требовалось купить руль. Он копил, копил и наконец купил руль и саму игру. Когда он принес домой новую игру, он знал, что первым делом должен будет сдать все это мне.

Я беру игру, мы открываем коробку, и Джо быстро инструктирует меня, что нужно делать: рули, никуда не врезайся, по возможности собирай летающие монетки, используй турбобонусы. Все было очень похоже на игры, в которые я играла у своих школьных друзей. Только сейчас графика и музыка стали на порядок качественнее. Я думала, что у меня не возникнет никаких проблем. Однако же ехала я ужасно – у меня не получалось рулить в турборежиме, я постоянно, как пьяная, врезалась в разные объекты. В конце концов Джо схватил меня за плечи, когда я отклонилась сильно вправо, пытаясь вывести машину из лужи, и сказал: «Мам, рули рулем, а не телом».

И сейчас, сидя на деревянной скамейке в ожидании поезда на Нью-Йорк, я понимаю, что всю жизнь рулю телом. Я несу свои заботы, печали и волнения на собственных плечах, как будто можно скомкать всю боль и страх после ухода Джона, сложить их в рюкзак и нести его по жизни. Каждый раз, когда я волновалась, сможет ли Джо найти себя в обществе, или лежала без сна, прислушиваясь, успеет ли Кори лечь до отбоя, или сводила свой доход и наши счета и решала, кому можно в этот раз не заплатить, – все это я складывала в рюкзак и несла с собой на своих плечах. Они болят, а я даже не замечала этого вплоть до этой самой минуты.

Я осознанно делаю глубокий-глубокий вдох. Направляю свой ум в несчастные напряженные мышцы, вены и сухожилия и говорю им: расслабьтесь. Я думаю о

том, что дети находятся в безопасности с отцом, которого, если что, подменит Джеки, которую, если что, подменит Лина, и снова отдаю команду: расслабьтесь. Я думаю о том, что меня ждет гостевая комната в шикарной квартире Талии, занятия в Колумбийском университете, большие, красивые, свежие салаты на обед в кафе, белое вино, которое я буду без спешки пить. И вот я начинаю чувствовать, что впервые за очень долгое время я расслабляюсь. И это так приятно! И вот прибывает мой поезд, и приключение начинается.

Глава 4

Дорогая мама,

ты – в Нью-Йорке, наслаждаешься жизнью! Мам, я так тобой горжусь! Ты просто чудо и пример для всех нас. Это сарказм, если ты еще не поняла. Но я и в самом деле горжусь, что ты наконец поехала в отпуск, пусть даже это на самом деле и не отпуск, а, скорее, библиотечная командировка. Но нам пришлось ради нее принести в жертву целую неделю нашей жизни, потому что, если честно, время с папой для нас не приоритет. Мы сейчас с ним, и он изо всех сил работает аниматором. Из чувства вины он купит нам все, что мы попросим, и я предам себя и свою страну, если не выйду из всей этой истории с новой машиной. Это по крайней мере. А Джо клянчит поездку в космический лагерь. Представляешь? Я так им горжусь. Не знала, что в нем это есть. А тебе досталась какая-то жалкая неделя в Нью-Йорке, и остановилась ты, наверное, в каком-нибудь дешевом отеле в пригороде и ночи напролет читаешь книжки.

Тебе надо было взять меня с собой. Я бы научила тебя, как нужно проводить отпуск. Мы бы ходили в спа – не в маникюрный салон за $12, а в настоящий спа, куда ходят звезды. Мы преобразили бы твою внешность, потом отправились бы ужинать в «Бальтазар», а после – на мюзикл «Гамильтон»[20 - Американский мюзикл о жизни государственного деятеля Александра Гамильтона.]. Мы бы ели пиццу на тонком тесте, которую можно сложить пополам, ходили бы по музеям, и ты разрешила бы мне пить белое вино.

А вместо всего этого чем я занимаюсь? Примерно тем же самым, что и в твоем присутствии. КТО-ТО передал папе список летних правил нашего тренера, и я

соблюдаю режим дня и в каждый прием пищи ем салат. А еще, когда мы только вошли в его квартиру, везде стояла диетическая кола, и я очень обрадовалась. Но не успела я зайти в ванную причесаться, диетическая кола взяла и исчезла. Ты что, написала ему смс и сказала отовсюду ее убрать? Как ты можешь настолько ненавидеть диетическую колу, мама? Это же фундамент Америки! Почему ты так сильно ненавидишь нашу страну?

Папа сказал, что я могу пить колу один раз в первой половине дня, но только после тренировки. И что вместе с колой я должна буду выпивать порцию витграсса[21 - Зеленые побеги пшеницы, из которых делают различную здоровую еду.]. А я сказала: «И где мне брать сок витграсса? Может, из аппарата с газировкой в нашем бассейне? И где он там стоит – рядом с замороженными лимонадами?» Он спросил: «Что, у твоей команды нет соковыжималки?» Я не шучу, мам. (Правильнее было бы написать, что я офигела, но, чтобы не нарываться, я использую корректный лексикон и пишу, что я не шучу). Я ему, такая: «Эй, алло, на какой планете у школьной команды есть своя соковыжималка?» В ответ он показывает мне статью из «Harvard Business Review»[22 - Ежемесячный научно-популярный журнал о бизнесе.], который он, типа, регулярно читает, про то, как производитель соков вывел тренировочный процесс команд Национальной футбольной лиги на рекордный уровень эффективности. А следом он идет прямиком в Amazon и – без дураков – покупает нашей команде соковыжималку для витграсса.

Он с другой планеты, мам. С планеты богачей. Но слушай, не все так плохо, потому что теперь у моей команды есть соковыжималка, а я стала обладателем подписки на «Harvard Business Review». Кроме того, я уверена, что правильно использовала в абзаце выше выражение «вывел на рекордный уровень эффективности», так что взаимная выгода налицо! Папа покупает нашу любовь, я наращиваю словарный запас, команда получает соковыжималку. Только вот ты опять остаешься ни с чем. Я должна напоминать тебе об этом, потому что так делают во всех фильмах для подростков.

Чтобы тебя немного утешить, скажу вот что: когда ты мне присылаешь сообщение и говоришь, чтобы я начинала читать следующую книгу, у меня такое чувство, что ты никуда не уехала. Не очень хорошее чувство. Спрячь ремень – я буду читать. Просто немного впитаю в себя историю любви жены сенатора и ее богатого женатого любовника.

Согласно твоим инструкциям я должна читать «Воровку книг». Я прочитала первую главу и должна тебе сказать – это МРАК! Вот тебе совет, мама: если один из главных действующих лиц – Смерть, это чтиво не для лета. Если ты когда-нибудь в каком-нибудь журнале в списке рекомендуемых на лето книг найдешь произведение про Смерть, покажи мне этот список. А пока этого не произошло, я буду снова перечитывать «Сумерки», потому что если уж мне и становиться мрачным готом, то хотя бы сексуальным.

А что? Зато я читаю!

С любовью,

твоя витаминизированная дочь Кори.

А Нью-Йорк – точно такой же, какой был много лет назад, и одновременно – совсем другой. Центральный вокзал – все та же смесь грязи и блеска. И устричная никуда не делась. И так же шумно, и та же постоянная движуха. Но одеваться стали иначе. Магазины – новые. Я начинаю ощущать, что теряюсь в знакомом месте.

Я иду по гулким переходам, ищу правильный выход на улицу и пытаюсь не выглядеть потерянной. Последней каплей для меня стал турникет, в котором я застряла вместе со своим чемоданом. В этой точке хладнокровие меня покинуло. Привет, Нью-Йорк! Давай разжуй и выплюнь очередную наивную деревенщину!

На прошлой неделе, когда я намекнула Талии, что приеду, она сказала мне, что от ее квартиры до Колумбийского университета – как до луны, и попыталась уговорить меня плюнуть на конференцию и употребить это время на «шатание по квартире с томным видом и бокалом вина». Даже во время голодовки я не смогла бы иметь томный вид, так что я решила придерживаться своего плана. В мире есть гораздо более страшные вещи, чем час на поезде в одну сторону. Я могу почитать по дороге и насладиться покоем.

Но сейчас час пик, и я с трудом втискиваюсь в поезд метро, идущий со всеми остановками, потому что первые два экспресса оказались такими набитыми, что туда даже мой чемодан бы не влез, не то что вся я. А дальше произошло то, что заставило меня забыть о покое. В вагоне так плотно, что необязательно даже держаться за поручень – упасть невозможно. Колеса моего чемодана, которые

очень к месту, когда нужно бежать по аэропорту – а я этого никогда не делаю, кстати, в вагоне становятся смертельно опасными. На каждой остановке – а их не меньше четырехсот – чемодан иллюстрирует принцип «движущееся тело стремится продолжать движение» и упирается в моего соседа, ударяя ему в голень. Я пытаюсь держать чемодан ближе к себе, но на меня напирает качок, стоящий сзади меня. На плече у него висит огромная спортивная сумка с вещами, которая бьет меня по почкам каждый раз, когда он решает сместиться на сантиметр-два. И вот так мы едем. Мой чемодан бьется в чужие голени; спортивная сумка, набитая камнями, бьет меня, а совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки, на сиденьях сидят восемь мужчин среднего возраста в костюмах, расставив ноги так, словно они у себя дома в удобном кресле. В левой руке они держат идеально сложенные вчетверо газеты, а правой – изо всех сил сжимают телефоны. Вот такое маленькое чудо – ехать в метро сидя. И я уже начинаю горестно сожалеть, что мне это чудо недоступно, как вдруг в вагон входит беременная женщина с животом размером с маленькую нейтронную звезду. Толпа расступается. Она вся потная, широкая и совершенно не похожа на богиню плодородия, но сначала один, потом второй и вот уже третий мужчина встают со своих сидений в состоянии, похожем на панику. «Мэм, – зовет каждый из них, – не хотите присесть?» Она хочет, и тот мужчина, кому не повезло действительно пожертвовать своим местом, убирает телефон и держит ее огромную сумку до конца поездки.

Как же этот спектакль порадовал мое сердце! А ведь он повторяется по тысяче раз в день. Нью-Йорк – город, который никогда не сидит.

Когда мы наконец доезжаем до района Бруклин-Хайтс, я вылетаю из вагона, как пробка из шампанского. Несколько раз я поворачиваю не туда, оглядываюсь и в конце концов достаю телефон и на каждом углу сверяюсь с навигатором. К счастью, это Нью-Йорк и здесь невозможно кого-то чем-то удивить. По крайней мере, на меня внимания точно никто не обратит.

Наконец я нахожу дом Талии, и он совершенно не похож на то, что я ожидала. Судя по постам на Фейсбуке, ее редакторской колонке и моим воспоминаниями, Талия – очень гламурная. А здание совершенно не гламурное – из красного кирпича, далеко не монументальное, очень похоже на ведомственное. Это не каменный таунхаус с красивыми коваными оградами и не блестящий стеклянный небоскреб с лифтами, уходящими в стратосферу. В этом здании примерно десять этажей, и оно не похоже на жилое, и лобби не очень-то зазывающее. Тем не менее я берусь за ручку и дергаю. Дверь заперта. Я кручу головой и снова

дергаю. Нет, она точно заперта. Я прислоняюсь к стеклу, прикладываю ладони к лицу, чтобы было лучше видно, и пытаюсь рассмотреть, что внутри. Внутри еще одна дверь, за которой небольшой холл со столом. Можно предположить, что это стойка консьержа – человека, который, будучи в своем уме, увидит, что я пытаюсь справиться с запертой дверью и багажом одновременно, выйдет и впустит меня.

Но за столом никого нет. В холле никого нет. Точка. Нет никаких признаков того, что кто-нибудь когда-нибудь бывал в этом холле и что это здание вообще является многоквартирным домом, а не заброшенным производством рубашек. А есть ли здесь почтовые ящики? В вестибюле я не вижу ни одного. Разве это возможно, чтобы в здании без консьержа не было почтовых ящиков?

С чего я вообще решила, что здесь должен быть консьерж? И что у Талии крутая квартира? Она мне, кстати, ответила на вопрос, есть ли у нее для меня место? Начинаю перечитывать нашу переписку. Она не ответила. Но мне тогда показалось, что она имела в виду «да». Может, она живет в студии и определит меня на диван? «Что ж, значит, придется ночевать на диване», – мрачно и разочарованно объявляю я себе. Я все же представляла, что буду спать на личной кровати.

С другой стороны, я взрослая женщина, и неделя на диване в метре от кухни – это, конечно, неприятное событие в моем возрасте, но гораздо менее неприятное, чем счет за номер в тысячу долларов. Кроме того, Талия очень веселая. Где бы она ни жила, будет весело. Сколько модных, шикарных мест я прошла по пути к ее дому, в конце концов. Магазин сладостей, в котором продается «Сникерс» ручной работы и мятный ликер. Кондитерская, в витрине которой стоял свадебный торт, сделанный из лимонно-желтых пирожных – макарони. Блестящий новенький бар, оформленный как старинный винный погреб. На вывеске мелом от руки написано винтажным почерком «Эко диво – мы пьем пиво». А следующая дверь – всем известный магазин хлопковой спортивной одежды, в котором продаются леопардовые трусы и недорогие футболки, сделанные в Америке и рассчитанные на детские тела ростом под метр восемьдесят.

Мне совершенно не обязательно иметь отдельную кровать, чтобы насладиться неделей в Бруклине среди молодых и красивых людей. Мы отлично проведем время. Пишу Талии: «Как мне зайти в квартиру?»

С ответом она не торопится. Что ж. Значит, пойду выпью чашечку кофе, сваренного в пуровере[23 - Метод заваривания кофе при помощи бумажных фильтров.] из экологически чистых зерен ручной обжарки, смолотых вручную, и подожду дальнейших инструкций. Хорошо еще, у меня с собой только один маленький чемодан.

Через две чашки кофе по $7,50 каждая я все еще жду ответа от Талии. И все остальные, кому я написала, чтобы убить время, тоже не отвечают. Дети молчат, что объяснимо – сейчас они на сборах команды Кори. Джон прислал две эмодзи – большой палец вверх и пловца. Ничего не прислала Лина, у которой тоже есть дела поважнее, чем сидеть в телефоне и развлекать свою одинокую и временно бездомную подругу. Соседка Джеки в ответ на мой вопрос, как дела, пишет «Все отлично. Надеюсь, у тебя тоже». Вряд ли это можно счесть приглашением к разговору.

С собой у меня электронная книга, и я начинаю читать (и бросаю) сразу несколько книг, надеясь найти такую, от которой невозможно оторваться. Ее я предложу своим самым привередливым ученикам. Еще я пару сотен раз проверяю адрес, который дала мне Талия, смотрю погоду и информационную страницу конференции, и смотрю вообще все, что может помочь мне убить время. А оно идет, и уже через два часа начнется коктейльный вечер знакомств, предваряющий официальную часть конференции. Понимая, что только дорога туда может занять целый час, я начинаю нервничать.

Я снова пишу Талии, скопировав адрес, который она мне отправила: «У меня правильный адрес? Прости, я не подумала, что нужно было договориться про ключ. Я решила, что у тебя консьерж».

Тогда я жду пять минут и звоню ей. Она не отвечает. Я оставляю ей максимально спокойное сообщение на автоответчике, кладу трубку и вслух говорю: «Да. Дело плохо». Но я же в Нью-Йорке, и никто и глазом не моргнул.

Собираю вещи и возвращаюсь к зданию. Здесь по-прежнему – ни консьержа, ни почтового ящика, ни домофона, ни другой возможности попасть внутрь. Жду десять минут. Никто даже не ступает на эту сторону улицы, не говоря уже о том, чтобы открыть эту дверь.

Я снова начинаю искать домофон в надежде дозвониться до соседей. Но домофона нет. На какой планете бывают жилые дома без консьержа и домофона? Не может быть, чтобы это было то здание, где она живет. Я трижды сверяю цифры на двери с цифрами, которые прислала Талия. Все совпадает. Может ли человек неправильно написать собственный адрес? Может, она ошиблась улицей? Но разве такое бывает?

В десятый раз я просматриваю нашу лаконичную переписку. Она сказала написать перед прибытием. Я написала. Она ответила, чтобы я шла прямо к квартире и что она «скажет людям внизу, чтобы ждали» меня. Я так поняла, что речь идет о консьерже. Какие еще могут быть «люди внизу»? Может, хозяин помещения или ответственный? Но не похоже, чтобы здесь была такая подземная квартира, где мог бы жить хозяин, и входа с другой стороны здания я тоже не вижу. Есть запертая дверь сбоку без окошечка. Предполагаю, что это дверь к мусоропроводу.

Совершенно запутавшись, я перехожу на другую сторону улицы и смотрю на окна здания. Нью-Йорк – большой, удивительный город. Графики работы у людей самые разные. Кто-то должен быть дома. Но все окна темные. В них отражается город, и в этот солнечный, прекрасный день нет никакой возможности определить, кто дома. И живет ли здесь кто-то вообще. И что, черт возьми, происходит.

Я снова звоню Талии. Снова голосовая почта – на этот раз в моем сообщении слышится больше паники. Положив трубку, я понимаю, что пришло время поставить крест на этом доме и перейти к плану Б. А у меня есть план Б?

После ухода Джона был один момент – он длился недолго, но я ощутила его очень остро, – когда я думала, что умираю. Все случилось из-за денег. Из-за денег, сломанного зуба и мокрой постели.

Джо было восемь. Он всему учился позже, чем остальные дети, – в отличие от Кори. Она как-то провела один день на ферме у бабушки и играла с более старшими детьми с соседней фермы, в доме у которых не было канализации, и спросила их, зачем они ходят в маленький домик с прорезью в форме полумесяца на двери вместо ручки. Они объяснили ей – без обиняков, как я предполагаю, – что в памперс писают только малыши. С того дня она

соглашалась писать только в маленький горшок, который мне пришлось вынести на улицу и завесить брезентом. Не знаю, что бы мы делали, случись это зимой. Через несколько недель она влезла на настоящий унитаз, покакала и потребовала печенье. Вот и весь процесс приучения к горшку.

С Джо было несколько иначе. С ним я испробовала все допустимые обществом методы, включая ходьбу по дому голышом по пояс, что привело к тому, что он описал все комнаты, кроме ванной. Подкуп игрушечными поездами можно было бы считать успехом, но ночью он спал в трусиках-подгузниках на год дольше, чем это дозволили бы большинство мам. А моя мама приходила от этого в такой ужас, что я помню, как плакала от обиды после каждого ее прихода. В итоге я дотерпела до стадии, когда он наконец надел «трусы для больших мальчиков» и приучился к горшку. Но если он заболевал, видел ночью кошмар или выпивал слишком много жидкости перед сном, то все равно просыпался мокрым, и это длилось почти до пятилетнего возраста.

Через три года его папа исчез, и матрасу снова не повезло.

Я к тому моменту уже устала. Кори все время ходила раздраженной, обзывала меня, говорила, что я уродина и поэтому папа ушел, говорила, что она уродина и поэтому папа ушел, говорила, что хочет, чтобы он умер. После любой неприятности, типа потерявшейся туфли или тяжелого зачета, она сначала минут двадцать ругалась, потом позволяла мне ее обнять и начинала долго-долго плакать. Джо начал пробираться ко мне в постель около четырех утра, ворочаться, переворачиваться и брыкаться, если случайно стягивал с себя одеяло. Мне приходилось выбирать, где дожидаться восхода солнца – на его кроватке или на диване. У нас не было денег, но я отказывалась даже думать о том, чтобы продать дом, и платила по старым счетам из школьной зарплаты, а новые счета платила с новых кредиток, процент по которым в первые месяцы обслуживания был мизерным. Я взяла их три штуки, как только узнала, что так можно. Тогда я еще не понимала, как можно быть работающей матерью-одиночкой. У меня ни в чем не было порядка, я горевала после ухода Джона и отказывалась смириться с ситуацией. Я слишком держалась за мысль, что все это ненадолго, лишь вопрос времени, и Джон снова вернется в наши жизни. Поэтому мы выживали, но еле-еле.

А потом я простудилась. Банальная простуда, но ее хватило, чтобы разрушить наше хрупкое равновесие. Как-то вечером у меня не было сил готовить, и мы заказали пиццу – а это непредвиденные расходы – и достигли лимита по

кредитной карте. Я весь день пила жаропонижающие, получила втык на работе, и Кори застала меня плачущей в машине. А потом я ее застала, когда она воровала в магазине помаду. А потом Джо начал опять писаться в постель, что означало необходимость просыпаться на полчаса раньше, менять простынь, укладывать его заново и часами волноваться в течение дня. В надежде справиться с энурезом мы пошли к детскому психологу, который был мне совсем не по карману, и в это самое время Кори упала с лонгборда подружки и сломала передний зуб. Ненормальная мать той девочки – вместо того, чтобы позвонить мне, – вызвала 911. И это при том, что они находились в десяти минутах езды от кабинета стоматолога, а теперь мне светил немалый счет от «Скорой».

К счастью, я успела перехватить их у входа в приемное отделение до того, как ее оформили. Я развернула Кори, проверила, нет ли на ней других повреждений, взяла буклетик по сотрясению мозга и вывела ее под руки до того, как у меня спросили данные кредитной карты. Зуб восстановили, детский психолог дал обнадеживающий прогноз, и я чудом избежала счета от «Скорой помощи». Кризис миновал. Но в два часа ночи у меня случилась паническая атака, во время которой я чувствовала себя так ужасно, как никогда раньше.

В тот момент я знала, что умираю – была абсолютно в этом уверена. Знала, что если сделаю еще хоть один шаг вперед в этой тяжелой жизни, я упаду. Мне нужно было поставить все на паузу. Хрипя, я села в кровати, и комната начала проваливаться в темноту. Я оказалась в тоннеле из света. Воздух перестал поступать. Я дышала, но до легких воздух не доходил. Я попыталась вдохнуть носом и почувствовала дурноту. Я умираю, – подумала я, но страха не было. Меня пугала перспектива прожить еще один такой же день, как сегодня. Я бы его просто не пережила. Все то время, что длилась паника – минуту или час, я строила всевозможные планы, как выйти из той ситуации. Дом можно продать за достойные деньги. Мама придет и присмотрит за детьми, до тех пор пока не вернется Джон. Может, у меня даже хватит смелости совершить самоубийство, чтобы они получили страховку – в той страшной панике этот выход казался наилучшим. А, может, мне просто убежать – так далеко, как смогу, и жить в одиночестве до конца дней своих и никогда больше не испытывать истинную радость.

В тот момент мне казалось, что у меня есть только два варианта. Я искренне в это верила. Я благодарю Бога за то, что в ту ночь у меня был такой сильный недосып, что крайнее изнеможение в конце концов победило смертельную панику, и я не смогла сообразить, какие таблетки пить и хватит ли их, чтобы

добиться результата.

На следующее утро, очень рано, я позвонила Лине. Все я ей не рассказывала – этого и не понадобилось. Я просто сказала:

– Это перебор. Я больше не могу.

Она не сказала: «Ты можешь». И что еще важнее, она не сказала: «Но ты должна».

Она сказала: «Буду через десять минут». И она приехала, дала мне полтаблетки «Бенадрила» и уложила спать, сказав спать столько, сколько смогу. Я начала бормотать какие-то инструкции насчет детей, но она закрыла меня одеялом и твердо сказала: «Хватит». Я так устала, что вырубилась в ту же секунду, как она выключила свет.

Когда выбор встал между спать или умереть, я спала. Проснулась я через два дня. Детям было сказано, что я очень сильно устала. Что теперь у них новые обязанности, соответствующие их новому статусу равноправных членов семьи из трех человек, а не двух детей и двух взрослых. Встав перед флипчартом[24 - Магнитно-маркерная доска с креплениями для листа или блока бумаги, переворачиваемой по принципу блокнота.], Лина написала перечень задач, которые нужно выполнять для поддержания жизни обычной семьи, и попросила Джо и Кори поставить галочки напротив тех, которые они могли бы взять на себя. Первые две были «зарабатывать деньги» и «водить машину». Дети быстро поняли, что поскольку первые две жизненно важные задачи они выполнить не смогут, им лучше взять на себя побольше мелких заданий. Конечно, их приходилось просить, и они всегда приступали к делу в последний момент, но все же они вносили свой вклад в общее дело. Лина взяла валяющуюся где-то справку о моей заработной плате и подписала меня на социальный пакет – талоны на еду – и вынесла строгий выговор моей гордости. Так я начала ежемесячно получать от государства $350 на еду. Постепенно я погасила долги по счетам, сдала наш гараж человеку, которому нужно было зимой где-то хранить лодку, отменила ненужные подписки, продала что-то из своих вещей, собралась, закатила истерику и добилась того, чтобы страховая оплатила психотерапию Джо, и последовательно решала все наши проблемы до тех пор, пока кризис не остался за спиной. А когда это случилось, я сказала себе, что больше никогда не буду настолько зависима от другого человека. И я не буду. Так что пришло время подумать, где я буду ночевать в Нью-Йорке.

Приступив к реализации плана Б, я понимаю, что не помню, как вернуться к метро. И вот я снова волоку за собой чемодан на колесиках и слушаю команды навигатора на каждом повороте, шагая шесть кварталов по собственным следам, только в обратном направлении. На станции, где я наконец могу позволить себе убрать телефон и осмотреться, мне становится даже как-то обидно за подобревший и смягчившийся Нью-Йорк, в котором теперь не грабят такие идеальные медленно движущиеся мишени, как я. Жду поезда – десять, пятнадцать, двадцать минут. На платформу прибывает переполненный состав в сторону Манхэттена, и тут я понимаю, что стою не на той платформе и, что еще хуже, не на той станции, от которой можно доехать до университета. И даже если я туда доберусь, то буду выглядеть на конференции весьма странно – с чемоданом на колесиках и в эластичных брюках. Но как мне по пути переодеться в коктейльный вариант? Даже если я куплю кофе в «Старбаксе», у них не такой туалет, в котором можно спокойно снять туфли, не подцепив при этом сразу несколько видов грибка, а может, и тараканов.

Можно посмотреть адрес офиса Талии и попробовать найти ее там, но у меня нет никакого повода считать, что она там (и что она вообще жива). К тому же журнал, в котором она работает, входит в международный мультимедийный конгломерат и расположен в центре Манхэттена, и дальше лобби меня одну никто не пустит.

И тут я вспоминаю наши старые фокусы, которые мы проворачивали с Талией в отеле St.Regis. Интересно, а смогу ли я повторить? Что ж, не попробуешь – не узнаешь.

Мы с Джоном были в Нью-Йорке всего один раз и ночевали в трехзвездочном несетевом отеле в Верхнем Вест-Сайде, прямо по дороге к Колумбийскому университету. При нем находился прекрасный французский ресторанчик – невероятно красивый, чистый и солнечный. Вместо стен там были стеклянные двери, которые в теплые дни складывались, и столики оказывались на тротуаре, а бокалы с белым вином сияли на солнце.

Комната в том отеле стоила целое состояние – наверное, вдвое дороже, чем я когда-либо платила, и сейчас я, мать-одиночка, точно его не потяну. Но чтобы исполнить трюк, которому меня научила Талия в студенческие времена, мне и не нужно платить за комнату.

Пока я еду в метро в Верхний Вест-Сайд, я собираюсь с духом и пытаюсь придать себе вид человека, у которого все получится. Сделав две пересадки, я нахожу свободное место и достаю из чемодана помаду, тушь и очень дорогое золотое колье, которое мне подарил Джон после рождения Кори. Немного поправляю одежду и, неимоверно стесняясь, переобуваюсь в черные босоножки Кори, а свои сабо засовываю в сумку и наглухо ее застегиваю. И последний штрих: мой козырный туз в виде настоящей – клялась мне Лина – сумки «Celine»[25 - Французский дом моды.], которую она мне дала в поездку. Она очень красивая: из черной кожи, отделанной кожей ягненка, на золотой цепочке и с знаменитыми откидными клапанами и выбитым лого спереди и в центре, чтобы уж наверняка. Если у меня что-то и получится, то только из-за этой сумки.

На остановке «79-я улица» я выхожу. На улице все еще ярко и солнечно, хотя свет уже не так легко проходит сквозь небоскребы и плотно застроенные улицы, как это было в Бруклин Хайтс. Я надеваю дешевые темные очки, надеясь, что они выглядят дороже, чем есть, и иду два квартала до отеля, надеясь, что он по-прежнему там, где я его оставила много лет назад.

Он там. Ресторанчик тоже на месте, без каких-либо изменений. Двери открыты, и несколько человек уже сидят за столиками, выходящими на тротуар, и наслаждаются красками наступающего вечера. Здесь царит приятное оживление – люди входят и выходят из отеля. Как раз то, что мне нужно. Все, вперед.

Я делаю глубокий вдох и пытаюсь притвориться Джейми Ли Кертис из фильма «Рыбка по имени Ванда». Идеальный образ мошенницы. Толкаю дверь и пытаюсь с одного взгляда оценить обстановку.

Один человек за стойкой, перед ним – очередь. Все оказалось легче, чем я думала. Встаю в очередь, словно собираюсь достоять до конца, но такой задачи у меня нет. Смотрю на часы – хотя на руке у меня их нет, громко вздыхаю и осматриваюсь. Замечаю носильщика, который уже смотрит на меня. Что ж, мой выход!

– Desculpe, – извиняюсь я по-испански. – Мне нужна помощь.

Он отвечает на таком беглом испанском, что я почти ничего не понимаю. Видимо, он принял меня за испаноговорящую. Что ж, урок мне. Я робко

улыбаюсь.

– Мне нужно оформиться в отель, но очередь длинная, а у меня через пять минут встреча с мужем. Можно мне оставить у вас багаж, а зарегистрироваться позже?

– Конечно, мэм, – отвечает он по-английски. – Как ваша фамилия?

Есть мизерный риск, что он попробует пробить фамилию по брони, и я говорю:

– Вообще-то, если можно, я бы сначала зашла в уборную, а потом отдала вам сумку. Покажете, в какую мне сторону?

И этот добрый человек показывает! Я бегу в санузел – красивый, чистый, со всеми необходимыми туалетными принадлежностями. Здесь я, не теряя времени, превращаю себя в максимально презентабельную версию, насколько это вообще возможно без душа, и выметаюсь. Теперь на мне юбка и красивая безрукавная блузка из искусственного шелка, которая не помялась бы даже под лавиной, и маленький легкий шерстяной блейзер. Я чувствую себя человеком. Человеком из библиотеки, но все же человеком. Я так, так рада, что побрила ноги утром.

Через пять минут я нахожу своего помощника, отдаю ему чемодан и делаю вид, что очень тороплюсь. Это легко, потому что я и в самом деле уже очень тороплюсь. Даю ему десять долларов, и когда он снова спрашивает у меня фамилию, я, уходя, кричу: «Просто напишите на нем Сондра! Грасиас!» – и пулей вылетаю за дверь, чтобы он не успел больше ничего сказать. Сондра – потому что это самое элегантное имя в мире. Женщина по имени Сондра всегда должна останавливаться в таких прекрасных отелях, как этот. И я снова оказываюсь на залитом солнцем тротуаре, мысленно даю себе пять и говорю этому городу: «Ну что, Нью-Йорк? Я все еще умею с тобой обращаться. Я отлично справилась!»

Глава 5

Дорогая мама,

у меня к тебе вопрос (если ты его вообще прочитаешь): вы с папой были когда-нибудь по-настоящему счастливы? Вот я оглядываюсь в прошлое и не могу вспомнить, чтобы вы с ним были очень счастливы или несчастны. Сейчас папа выглядит очень счастливым, но я не знаю, может, он притворяется, чтобы мы думали, что нам хорошо вместе. Или он просто такой человек, или что? И у меня вопрос – он был таким же, когда мы все жили вместе? Вы, например, танцевали на кухне, когда вместе готовили еду, или держались за руки в парке, когда Джо и я там играли, ну или что-то вроде этого? Да, знаю, что все это просто сцены из фильмов, но у меня нет перед глазами других супружеских пар. Мама Тринити снова разводится, я говорила? И каждый раз, когда я думаю, что папа – козел, мне достаточно лишь посмотреть на ее дом, и я думаю: «Все могло быть гораздо хуже». Извини, Тринити, но здесь идет хэштег «правда».

В общем, я пытаюсь спросить – папа делал тебя счастливой? Любовь делает тебя счастливой в принципе? Вы с папой вообще любили друг друга? Это все супер простые вопросы.

Брайан вроде бы делает меня счастливой. Он не высокий, как ты знаешь, но он очень симпатичный и говорит мне много приятных вещей. Мне это нравится. А в остальном, я уже не уверена, что это оно. Он пишет мне еще чаще, чем ты. И пишет какой-то бред, типа «каконо» и шлет какашку-эмодзи. И мне не хочется поощрять такое. Поэтому я ничего не пишу в ответ, и через десять минут приходит «обиделась?» и еще одна какашка.

И на этом этапе я уже готова читать ему лекции про то, как писать письма, но я этого не делаю, потому что я-то не сорокалетняя библиотекарша, как некоторые из нас.

Когда я только начала общаться с Брайаном, он казался интересным человеком и говорил много умных вещей про школу и наше будущее. Например, когда я задумывалась про университеты – в какие из них реально поступить и где какие финансовые условия, он сказал, что нам нужно строить планы исходя из того, каким мир будет в будущем, а не каким он был раньше. Сильно, да? А потом он рассказал про своего папу, который учился на репортера и взял очень много кредитов, чтобы закончить обучение, а когда закончил, оказалось, что и газет-то больше не выпускают, и теперь он ненавидит свою жизнь. То есть самое важное – не положить будущее на плаху прошлого.

Это же все интересно, да? Ты ведь любишь свою работу, в чем бесконечно нас уверяешь, но к тому моменту, когда я выпущусь из университета, останутся ли вообще библиотеки в этом мире? Мы часами говорили с ним о вымирающих профессиях, например писатель, водитель такси, почтальон, владелец магазина. Мы говорили о будущем, в котором мы будем читать только соцсети в самоуправляемых машинах, а если нам что-то понадобится, мы это распечатаем на 3D-принтере.

Возвращаясь к Брайану… Мы с ним несколько недель круто теоретизировали про будущее, а потом, как только я согласилась быть его девушкой, начались эмодзи-какашки. Сегодня я попыталась снова с ним завести интересный разговор про будущее, а он все время пытался меня поцеловать, а потом сказал: «Забудь про будущее. Мы должны жить в настоящем моменте». А я ему ответила: «Да отвали ты от меня».

Но что мне делать, мам? Я завела себе парня, и теперь мне до сентября его терпеть либо ходить с кем-то третьей лишней до конца лета. Я знаю, это звучит цинично, но я возлагала большие надежды на Брайана, и мне не хочется сидеть дома вечерами одной, в то время как все по парам. У Тринити сорвало крышу от Дэйна, так что можно даже не ожидать, что она захочет меня видеть до тех пор, пока ее не отпустит. Если они расстанутся, у меня появится одна подруга и мне не придется больше переживать, что я – изгой общества. А если не расстанутся – всегда приятно иметь кого-то рядом. Когда мы вместе, нам весело, несмотря на то, что его сообщения – отстой. Плюс – Брайан хорошо целуется. Еще один плюс: папа его возненавидит, это однозначно.

С любовью,

твоя бессердечная дочь Кори.

Холл главной библиотеки Колумбийского университета весьма впечатляющ. Ассоциация американских библиотекарей организует много более камерных мероприятий по всей стране, но это – одно из самых крупных и посещаемых. Во-первых, из-за привлекательного местоположения. Во-вторых, из-за грантов для учителей, которые и в больших городах, и в маленьких селениях хотят быть в курсе технических новшеств. Сюда приезжают и молодые аспиранты в области библиотечных наук, и седовласые ветераны, которые уже коллекционируют пенсии, но все не могут отвыкнуть от атрибутов прошлой жизни. Я ровно посередине – у меня достойное образование и теплое местечко в дорогой школе,

но никаких научных достижений, в отличие от докторов наук, которые получают личные приглашения на подобные конференции.

Вечернее мероприятие спонсирует издательство детских материалов, и по всему помещению расставлены картонные фигуры знакомых героев. Многие учителя начальных классов позируют около Флэта Стенли[26 - Герой книг для детей, придуманный Джеффом Брауном.]

, предусмотрительно отставив пластиковые стаканчики с вином, чтобы впоследствии развесить фотографии в своих кабинетах. Для учителя чтения в начальных классах фотография с Флэтом Стенли – это чуть ли не гарантия всеобщего почитания.

Мимо носят подносы с едой, и я встаю рядом с дверью, из которой выходят официанты, и стараюсь брать только малюсенькие пирожки, чтобы удержать еще и стакан с вином и не опрокинуть все на пол. Жадно заглатывая еду, я знакомлюсь с программой, которую молодая девушка положила в пакет, выданный мне при регистрации. При этом я не забываю постоянно проверять телефон. От Талии – ничего. Я начинаю представлять себе, что по дороге на работу ее сбило такси. Хотя это совершенно неправдоподобная фантазия – Талия фантастически рассеянна и неорганизованна и, скорее всего, просто куда-то положила телефон и до сих пор его не хватилась. Тем не менее мне необходимо придумать, что я буду делать, если от нее не будет вестей на момент завершения сегодняшнего мероприятия. Обзванивать больницы? Или набрать ее маму в Огайо? Понятия не имею, с чего начать поиски.

Пока я жонглирую телефоном, брошюрой и двумя – да, двумя – тарталетками с крабовым мясом, ко мне подходит женщина и громко говорит:

– Вы все делаете неправильно.

Я смотрю на нее и роняю брошюру и телефон. Тарталетки я, конечно же, спасаю как самое важное. Женщина эта высокого роста, внушительного вида и с лицом злодейки из диснеевского мультфильма. Острие ее носа меня почти пугает.

– Я вам мешаю? – спрашиваю я, потому что не знаю, что еще сказать. И потому что я перепугана.

Она смеется, и глаза у нее добреют.

– Вы ешьте, а я подержу, – предлагает она, забирая у меня телефон.

Я послушно засовываю в рот тарталетку и протягиваю освободившуюся руку, чтобы забрать у нее свой телефон.

– Сначала нужно выпить все бесплатное вино, пока оно не закончилось, и только потом накидываться на эти мизерные штуки, – советует мне незнакомка, кивая на свое красное вино. – И не надо смотреть в эту глупую брошюру. Там все равно нет никакой важной информации.

Я подозрительно смотрю на нее:

– А что за важная информация?

– Самая важная информация заключается в том, на какой минимум из этих скучных курсов можно сходить и получить нужные баллы. Ну, например, сейчас здесь присутствуют два спикера, и, несмотря на наличие бесплатной выпивки и еды, это мероприятие равняется целым двум завтрашним утренним сессиям, где будут давать только слабый кофе и бананы.

Я хмурюсь. Завтра утром как раз мое выступление.

– Ясно, – киваю я. – Теперь понятно, почему здесь столько народу.

– Только не говорите мне, что пришли послушать выступления. – В ее голосе слышится теплота и поддразнивание одновременно.

– Ну, я пропустила ужин из-за определенных логистических проблем, поэтому должна признать, что я пришла ради крабовых тарталеток, но как только у меня в желудке окажется еще немного еды, мой интерес переключится на спикеров, да.

– Вы просто образцово-показательная гражданка. Или вам просто нужно выпить вина. Я Кэтрин из Чикаго, из государственной школы, и я здесь никого не знаю. Но по большей части участники здесь выглядят так же весело, как дождливый

день в Кливленде. Вы когда-нибудь видели в одном месте столько рубашек-поло с вышивкой? Вам белого или красного?

– Красного, пожалуйста. Приятно познакомиться. Я Эми. Байлер. Из Пенсильвании.

– Я сейчас, Эми Байлер.

Пока она пошла на поиски вина, я решаю в последний раз проверить телефон. Отправляю Талии смс и сообщение на Фейсбук и убираю его до конца вечера. Если она со мной так и не свяжется, я… что? Наверное, буду искать недорогой отель Days Inn. Даже в самом пафосном городе должен быть Days Inn. Он, скорее всего, будет стоить, как мой месячный продуктовый бюджет, но что еще мне делать? Попробую получить компенсацию проживания у школы, когда вернусь.

Кэтрин возвращается как раз, когда я убираю бесполезный телефон в сумку.

– Дети? – спрашивает она меня, передавая бокал с щедро налитым красным.

– Я преподаю в частной школе, у нас все классы от детсада до 12-го, – начинаю я. – Но я работаю с подростками.

– Нет, я имею в виду – у вас у самой есть дети? – перебивает она.

– О, да. Двое, оба уже в старшей школе. Девочка и мальчик. Девочка ходит…

– А у меня двое в памперсах, – снова перебивает Кэтрин. – Одному год, второму – почти три. Оба мальчика. Оба хулиганы. Я не выходила из дома так, чтобы кто-то из них не цеплялся за какую-нибудь часть моего тела, с момента зачатия первого ребенка и до сегодняшнего дня. Я за последние три часа сформулировала гораздо больше законченных мыслей, чем за последние три года. Знаете, сколько уже задниц я подтерла на конференции?

– Ммм…

– Ноль. И в следующие три дня я подотру столько же! Ну, то есть я, конечно же, несу ответственность за свою задницу – да и то если в отеле нет биде. Это

нереально круто!

– Ммм…

– Даже одна задница – это треть от количества, которое мне обычно приходится подтирать, а значит, это лучшие выходные в моей жизни.

– Помню то время, да, – ностальгически произношу я.

– Скажите мне, что дальше будет легче. Вы же прошли через это и не бросились с обрыва.

– Да, будет гораздо, гораздо легче, – киваю я. – Мои подростки по крайней мере в туалет сами ходят.

Она смеется.

– А потом вы узнаете их как личностей, и они вам очень понравятся, – продолжаю я. – Это, конечно, займет время, но это будет. И чем дальше, тем меньше с ними хлопот. Они начинают сами одеваться, сами себя развлекать и кормить. А потом, глядишь, они уже в автошколе, и тут ты уже пугаешься не на шутку. И оставляют тебя ради бывшего мужа, – про себя добавляю я.

– Это очень обнадеживает.

– Вы просто сейчас в самом эпицентре.

– Прямо сейчас в самом эпицентре мой муж-идиот. Я ему сказала: «Ты засунул в меня этих детей – теперь следи, чтобы они были живы, пока я напиваюсь и объедаюсь всеми кухнями мира и сплю до девяти утра каждый день и смотрю повтор “Золотых девочек”[27 - Американский телесериал, выходящий на телеканале NBC в 1985 году.] в отеле».

– Отличный план, – улыбаюсь я.

– Спасибо. А вы почему здесь?

– В смысле?

– Вы тоже от детей сбежали?

– О. Нет. То есть… нет, точно нет. Скорее, это они от меня сбежали, – наконец формулирую я.

– В смысле?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Фейсбук – социальная сеть.

2

Драматический фантастический телесериал, основан на одноименной серии романов Дианы Гэблдон.

3

Творческая детская телепередача, в которой дети разных возрастов (от детского сада до колледжа) соревнуются в решении креативных задач.

4

Американская телеведущая, актриса, продюсер, общественный деятель, ведущая ток-шоу «Шоу Опры Уинфри».

5

Консервативное религиозное движение; амиши отличаются простотой жизни и нежеланием принимать современные технологии.

6

Американский телесериал в жанре юридической драмы.

7

Подростковая антиутопия американской писательницы Сьюзен Коллинз.

8

Американский суп с добавлением моллюском, крекеров и сливок.

9

Американский комедийно-драматический сериал.

10

Американский информационный телеканал.

11

Медицинское устройство для введения дозы адреналина.

12

Американский приключенческо-супергеройский телесериал с элементами драмы.

13

Британский актер, наиболее известен по роли Шерлока Холмса.

14

Канадский актер, сыграл главную роль в телесериале «Стрела».

15

Французская компания, специализирующаяся на предметах роскоши.

16

Американский комик и телеведущий, ведет вечернее ток-шоу на телеканале NBC.

17

Система классификации книг, разработанная в XIX веке американским библиотекарем Мелвилом Дьюи.

18

Американская сеть розничной торговли.

19

Компьютерная игра-шутер о войне.

20

Американский мюзикл о жизни государственного деятеля Александра Гамильтона.

21

Зеленые побеги пшеницы, из которых делают различную здоровую еду.

22

Ежемесячный научно-популярный журнал о бизнесе.

23

Метод заваривания кофе при помощи бумажных фильтров.

24

Магнитно-маркерная доска с креплениями для листа или блока бумаги, переворачиваемой по принципу блокнота.

25

Французский дом моды.

26

Герой книг для детей, придуманный Джеффом Брауном.

27

Американский телесериал, выходящий на телеканале NBC в 1985 году.

Купить: https://tellnovel.com/harms_kelli/polosataya-zhizn-emi-bayler

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити